

история / география / этнография

Витольд Новодворский

Иван Грозный и Стефан Баторий: схватка за Ливонию

Ломоносовъ
издательство

История. География. Этнография

Витольд Новодворский

**Иван Грозный и Стефан
Баторий: схватка за Ливонию**

Издательство «Ломоносовъ»

2015

УДК 94(47).043
ББК 633.3(2)44

Новодворский В. В.

Иван Грозный и Стефан Баторий: схватка за Ливонию /
В. В. Новодворский — Издательство «Ломоносовъ»,
2015 — (История. География. Этнография)

В Ливонской войне было два главных действующих лица — польский король Стефан Баторий и русский царь Иван Грозный. От их мировоззрений, личных качеств, отношения к подданным зависел успех в противостоянии. Итог известен: война истощила силы Московского царства, тогда как Речь Посполитая превратилась в сильнейшее государство на востоке Европы. Книга Витольда Новодворского основана прежде всего на польских источниках. Автор со всей очевидностью симпатизирует польской стороне, не упускает случая сказать о жестокости Ивана Грозного и неприглядных сторонах русской жизни и в то же время почти всегда находит слова для оправдания любых действий воинства Стефана Батория, полемизирует в оценке эпизодов Ливонской войны с Н. М. Карамзиным и С. М. Соловьевым. Но именно этим его книга и интересна. Всегда полезно посмотреть на события в неожиданном ракурсе, тем более что перед читателем открывается множество деталей, которые невозможно найти у выдающихся русских историков.

УДК 94(47).043
ББК 633.3(2)44

© Новодворский В. В., 2015

© Издательство
«Ломоносовъ», 2015

Содержание

I. Перемирия	6
II. Ливонский поход Ивана (1577)	21
III. Приготовления к войне	28
IV. Полоцк	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

В. В. Новодворский Иван Грозный и Стефан Баторий: схватка за Ливонию

I. Перемирия

Война Ивана IV Грозного с Речью Посполитой из-за Ливонии была прервана при Сигизмунде-Августе трехлетним перемирием, срок которого истекал к концу июня 1573 года. Но интересы обоих государств были столь противоположны и отношения между ними до такой степени натянуты, что война могла возобновиться во всякое время, еще до истечения трехлетнего срока. Прекратилась собственно – да и то не вполне – только борьба на полях сражений, но борьба политическая и дипломатическая продолжалась с прежней силой. Заклячая договор о перемирии с Речью Посполитой, Иван в то же время приводил в исполнение проект Ливонского королевства, объявив королем Ливонии датского герцога Магнуса на условиях вассальной зависимости. Послы Сигизмунда-Августа, заключившие с Иваном перемирие, донесли по своем возвращении об этом королю и вызвали в нем немалую тревогу. Со своей стороны, Сигизмунд-Август прилагал все усилия к тому, чтобы уничтожить уже в самом зародыше московский флот на Балтийском море, усматривая в нем большую опасность не только для Речи Посполитой, но и для всей Западной Европы.

В 1569 году он нанял к себе на службу каперов, которые должны были задерживать иностранные корабли, везшие в пределы Московского государства какие бы то ни было товары. На это король датский, сблизившийся с Иваном Грозным, и его брат Магнус ответили заведением своих каперских судов, которые немало вреда причиняли торговым интересам Речи Посполитой, задерживая корабли, шедшие в польские гавани. Таким образом, на море война, собственно, и не прекращалась.

Даже само заключение договора о перемирии сопровождалось обстоятельствами, которые могли повлечь за собой его нарушения, а следовательно, и возобновление войны. Посольство Сигизмунда-Августа, ехавшее в Москву, от самой границы Московского государства подвергалось оскорблениям со стороны московских приставов и их слуг и само платило им тем же. Прибыв в Москву, оно не застало там Ивана: он не возвратился еще из своего путешествия в Новгород, где произвел ужасную кровавую расправу. По возвращении царя в столицу послы были приняты сначала довольно радушно, но когда прибыл в Москву

герцог Магнус, отношение Ивана к польско-литовскому посольству изменилось. Оно стало подвергаться различного рода оскорблениям, к чему, впрочем, и само подавало иногда повод, нанося обиды москвитам. Царь приказывал бить посольскую свиту батогами и издевался над польскими обычаями¹. Когда один из участников посольства, литовский писарь Андрей Иванович Харитонович-Убринский, дерзко отказался принять царские подарки, считая их не соответствующими своему званию, Иван отправил на посольский двор отряд вооруженных людей, которые на глазах послов разрубили двух коней, подаренных царю послами; начальник этого отряда, Булат Арцыбушев, бранил послов поносными словами, топтал ногами подарки, поднесенные посольством, а литовскому писарю вырвал половину бороды².

У купцов, греков и армян, прибывших с посольством в Москву, были отобраны в казну, по приказанию царя, товары, причем купцы не получили никакого вознаграждения. Мало того, когда посольство выехало из пределов Московского государства, Иван приказал выгнать их за границу «в одних рубашках, без шапок и босыми». Затем он произвел избие-ние польских и литовских пленных, которые были заключены в московских темницах³.

Оскорбления послов вызвали в Польше сильное негодование. Жалуясь на свои обиды перед королем, они увещевали его нарушить перемирие, подавая ему надежду на благополучный исход войны, так как силы «варвара» истощены постоянными войнами, голодом и моровой язвой, а подданные сильно ненавидят его за его ужасную жестокость.

Общественное мнение требовало тоже – сначала весьма настоятельно, – чтобы король объявил Ивану войну. Но Сигизмунд-Август не мог последовать этим советам, ибо положение Речи Посполитой вследствие продолжительной войны также было тяжело. Однако он не преминул воспользоваться общественным настроением, чтобы подготовить умы к необходимости новых жертв ради ведения борьбы с врагом.

Тут надо заметить, что перемирный договор не установил полного мира: столкновения продолжались в Витебской и Полоцкой областях – там, где находились спорные земли; кроме того, Магнус, получив вооруженную помощь от Ивана, вторгся в пределы польско-литовской Ливонии и произвел опустошение в окрестностях Пернова и Руина.

Наконец, Иван тоже не всегда соблюдал условия перемирного договора: по этим условиям замок Таурус, разрушенный войсками Сигизмунда-Августа, не следовало отстраи-

¹ Об этих происшествиях мы черпаем сведения из двух источников: литовского и московского. Подробности, сообщаемые тем и другим, согласуются между собою, расходясь только в том, что литовский источник умалчивает об оскорблениях, которым подвергались москвиты, а московский представляет обиды, которые наносились посольству, как наказание царя за дерзкое поведение послов.

² Приключении с литовским писарем Иван приказал послам, которых он отправил в Польшу для ратификации перемирного договора, объяснить так: «...и Ондрей учал соболи на землю метати и в те поры прилучился царского величества приказный человек Булат Дмитриевич Арцыбушев и он с Андрея снял юпу для соболей, чтобы сободем в грязи убытка не было и хватил невежливо и за то царское величество на Булата словесную опалу великую наложил». Аббат Цир, состоявший при дворе Сигизмунда-Августа посланником, со слов одного из литовских послов изображает в письме к императору Максимилиану II сцену еще более сильную. Послы являются во дворец. Разгневанный царь, окруженный опричниками, начинает грозно кричать на них. Опричники готовы броситься на них, чтоб их перебить. Жизнь послов находится в опасности. Тогда перед разгневанным Иваном бросается на землю митрополит Кирилл и молит даровать жизнь послам. Царь смягчился, и послы были спасены.

³ См. «Описание Московии» Алессандро Гваньини. Этот писатель изображает ужасные сцены. По его счету, было перебито до 160 человек; некоторых царь умерщвлял собственноручно. Мы знаем, что сочинение Гваньини считается памфлетом, но такой общий приговор, по нашему мнению, не мешает нам пользоваться – с должной, конечно, осторожностью – этим сочинением как историческим источником: ведь и памфлетист может сообщить много верного, чтобы придать своему памфлету характер правдивости. О пребывании польско-литовского посольства в Москве мы имеем еще сообщение флорентийского купца Тедадьди, проживавшего в Московском государстве долгое время. По его словам, Иван не обращался так дурно с послами, как об этом ходили слухи: послы сами своими насмешками над москвитянами и своим поведением раздражали Ивана; особенно сильно рассердил его еретический проповедник Рокита, которого они привезли с собой. В рассказе Тедадьди замечается желание представить Ивана лучше, чем он был на самом деле. Что обиды, нанесенные посольству, были сильны, доказывает тот факт, что Стефан Баторий припоминал их впоследствии Ивану, считая это оскорблением самого короля, и ссылаясь на них как на один из поводов, вследствие которых он объявляет царю войну.

вать заново, между тем Иван приказал его восстановить и поставил в нем гарнизон. Сигизмунд-Август считал это серьезным нарушением договора и полагал возможным поводом к возобновлению войны еще до истечения срока перемирия, что и обсуждалось на сейме 1572 года. Действительно, замок Таурус представлял немалую опасность для Литвы, так как находился недалеко от литовской столицы – города Вильны.

Одним словом, отношения между государствами были весьма неустойчивы; на мир была очень слабая надежда. Ратифицируя 8 мая 1571 года перемирный договор, польский король вовсю подумывал о войне; проблема была только в том, чтобы изыскать средства на ее ведение. Однако перемирие все-таки не было нарушено.

Сигизмунд-Август в последние годы своего правления тяжело болел; вопрос о том, кому достанется корона Речи Посполитой, сильно интересовал соседних государей. К ним принадлежал и Иван Грозный. В 1569 году гонцу⁴ Федору Мясоедову, отправляемому в Польшу, был дан такой наказ: «...проведать ему того, которым обычаем то слово в Литве и Польше в людях носится, что хотят взять на великое княжество и на Польшу царевича Ивана и почему то слово в люди пущено, обманкою ли, или в правду того хотят и все ли люди того хотят, и почему то слово делом не объявится, а в людях носится». В 1570 году польско-литовские послы, приехавшие в Москву для заключения перемирия, заявили царю, что так как у их короля нет детей, то «ради Короны Польской и Великого княжества Литовского желают избрать себе государя от славянского рода и склоняются к тебе, великому государю, и твоему потомству». Иван отнесся к этому заявлению недоверчиво, что вполне понятно, так как он мог думать, что это ни более ни менее, как только дипломатическая уловка, сделанная с той целью, чтобы склонить его к большей уступчивости; так оно в действительности и было. Тем не менее Иван сильно заинтересовался этим заявлением, которое подкреплялось известиями, приходившими из Речи Посполитой, что там хотят иметь государем то ли его самого, то ли его сына.

Отправляя в 1571 году в Польшу для ратификации перемирного договора послов князей Канбарова и Мещерского, Иван не только приказывал им разведать, каково настроение страны по вопросу избрания преемника Сигизмунду-Августу, но вместе с тем и оправдать его, Ивана, в глазах польско-литовского общества, которое относилось к нему враждебно.

Послы присылали царю «приятные донесения». Между прочим, они писали следующее: «Говорят в Варшаве... король стар и хвор и бездетен, а опричь московского иного государя не искати». Московское посольство имело тайное поручение устроить брак Иванова сына с сестрою короля Софией. Когда в 1572 году разнеслось известие, что король впал в тяжкую болезнь, Иван послал в Польшу гонца Василия Малыгина разузнать, достоверно ли это известие; гонец вскоре донес, что Сигизмунд-Август скончался (это произошло 7 июля 1572 года).

Наступившее бескорольевье вызвало большую тревогу у польских и литовских сторонников единого государства. Положение было критическое. В Литве господствовало столь сильное недовольство условиями Люблинской унии, положившей в 1569 году начало Речи Посполитой, что она, казалось, готова была расторгнуть узы, соединившие ее в федерацию с Польшей. В самой Польше происходила ожесточенная социальная и религиозная борьба – между шляхтою и аристократией, между католиками и протестантами. Казалось, Речь Посполитая вот-вот распадется на составные части, которые сделаются добычей ее врагов. Тем более что внешняя угроза с каждым днем нарастала.

⁴ В трехступенной иерархии русской дипломатической службы в XVI – XVII веках гонец был младшим чином вслед за послом и посланником. Как правило, гонцам поручалась доставка писем или передача устных сообщений. Ведение гонцом самостоятельных переговоров обычно не предусматривалось. – *Здесь и далее постранично – примечания редактора. Примечания автора см. в конце книги.*

Наибольшая опасность со стороны Ивана Грозного угрожала Литве. Ее руководители пытались умиротворить московского царя дипломатическими средствами. Съезд литовских вельмож, в котором принимал участие в качестве представителя Польши подканцлер – краковский епископ Франциск Красинский, отправил к Ивану гонца Федора Зенковича Воропая, чтобы официально известить царя о кончине короля и просить о сохранении существующего перемирия. Гонцу было наказано заявить царю, что выбор его на престол Речи Посполитой возможен, а если это случится, то все спорные вопросы, из-за которых между государствами происходит столь ожесточенная война, сами собой мирно разрешатся. Таким образом, Ивану сообщили, что его надежды вполне могут оправдаться, однако ничего конкретного обещано не было.

Царь рассчитывал услышать нечто подобное; просчитав ходы заранее, он счел необходимым подействовать на Речь Посполитую угрозами. Зная о смерти Сигизмунда-Августа, он притворился тем не менее, что событие это ему неизвестно, и еще до прибытия в Москву Воропая отправил к королю гонца с письмами. В этих письмах царь заявлял, что если Речь Посполитая не пришлет к нему в октябре для заключения мира великих послов, на проезд которым в свое государство он отправил с гонцом опасную грамоту⁵, он сочтет это за пренебрежительное к себе отношение, указывающее, что Речь Посполитая не желает соблюдать с ним мир, а потому займет находящуюся в ее власти Ливонию. Узнав об угрозах Ивана, литовские вельможи не на шутку перепугались, ибо вообразили, что в опасности находится не только Ливония, но и Литва; они не сомневались, что царь готов при всяком удобном случае броситься на все, чем только можно легко завладеть.

Надо было предупредить опасность сколь возможно скорее. Царского гонца выслушали на сеймике в Рудниках и поспешили уверить Ивана, что великое посольство прибудет к нему согласно его желанию. Гонец тотчас же поехал назад в Москву. Между тем туда прибыл и Воропай; он разъехался в дороге с московским гонцом, когда тот направлялся еще в Литву⁶. Иван принял Воропая весьма ласково. Он, вероятно, все-таки поверил искренности заявления, сделанного ему гонцом от имени литовско-польского сената, и счел возможным свое избрание на польский престол. «Скажи польским и литовским панам, – говорил царь гонцу, – чтобы они, переговоривши и посоветовавшись меж собой, присылали ко мне поскорее послов. И если будет то Богу угодно, чтоб я сделался их государем, тогда я обещаюсь перед Богом прежде всего и им также обещаю сохранить их права и свободы, и если будет нужно, то еще и больше приумножу и от чистого сердца пожалую».

Приобретение Ливонии царь считал столь важным для себя, что готов был в том случае, если бы он не был избран королем Речи Посполитой, уступить ей за Ливонию Полоцк с пригородами. Но еще больше, конечно, ему нравилась мысль стать королем – главным образом потому, что осуществилось бы его заветное стремление к Балтийскому морю: тогда

⁵ Опасная грамота – документ, подтверждающий дипломатическую миссию.

⁶ Ход дипломатических сношений Речи Посполитой с Иваном представляется в исторических сочинениях неопределенно или даже сбивчиво, что объясняется отсутствием даты в документе, дающем нам отчет о посольстве Воропая. Карамзин относит, по-видимому, его аудиенцию у Ивана к сентябрю 1572 года, ибо, передав слова царя Воропаю, продолжает рассказ следующим образом: «За сим Иван, в глубокую осень, выехал из Москвы, с обоими сыновьями, чтобы устроить войско в Новгороде и сдержать данное королю шведскому слово», то есть начать с ним войну, а далее, из примечания, явствует, что царь выехал из Москвы 21 сентября. Соловьев замечает, что «от приезда Воропая до приезда нового посла литовского, Гарабурды, прошло месяцев шесть», то есть относит аудиенцию Воропая тоже к сентябрю, так как Гарабурду царь принимал в конце февраля 1573 года. Историк А. С. Трачевский в своем труде «Польское бескорольевье» выражается слишком туманно: «В начале 1573 года Иоанн Грозный получил разом несколько грамот из Польши и Литвы. Около того времени, когда он выслушал просьбу литовцев, привезенную его собственным гонцом, в Москву прибыл Федор Зенкович Воропай». Московский гонец был в Литве в конце сентября, Иван уехал из Москвы 21 сентября в Новгород и был там еще в начале 1573 года, поэтому изложение Трачевского надо признать сбивчивым. Между тем сам Иван указывает на сентябрь как на время, когда он принимал Воропая. Трачевский считает инициаторами посольства Воропая панов, присутствовавших на кнышинском съезде, но это неверно. Кнышинские постановления подписали одни лица, Иван же в своем письме указывает на совсем других лиц как на приславших к нему Воропая.

Ливония, Москва, Новгород и Псков составили бы одно владение. Перспектива соединить под своею властью столь обширные государства, как Московское и литовско-польское, прельщала Ивана. Понимая, что слава тирана, которую он приобрел за свои казни всюду, где знали его имя, может повредить успеху дела, он наказывал своим послам говорить всем, что казни – это всего лишь достойное наказание изменников. Точно таким же образом царь оправдывался и перед Воропаем. «Если кто наказан, – сказал он гонцу, – то наказан сообразно своей вине. Скажи, разве у вас измены не наказывают, разве изменникам прощают? Я знаю, что наказывают». И в доказательство этого привел случай смертной казни, совершенной в Вильне над неким Викториним, которого обвинили в намерении убить короля по наущению самого Ивана.

Искренности в заявлениях Воропая не было ни на грош. Мнение литовских вельмож было прямо противоположно: они и слышать не хотели о возведении Ивана на престол Речи Посполитой. Николай-Христофор Радзивилл тотчас после смерти Сигизмунда-Августа (15 июля) писал своему дяде, виленскому воеводе: «Боже сохрани, чтобы нами командовал московский колпак, и потому, ради Бога, советую вам вовремя принять меры против московского посла». Столь же враждебно к кандидатуре Ивана относился и правитель тогдашней Литвы Ходкевич. При этом, однако, кандидатура царя была популярна среди части польской и литовской шляхты; сочувствовало Ивану и православное население литовского княжества нешляхетского происхождения, но сочувствие это было чисто платоническое, потому что оно было лишено возможности активно участвовать в государственных делах⁷.

Одним Воропаем дело не ограничилось. Литовские вельможи продолжили обманывать Ивана заявлениями о своем желании подчинить Речь Посполитую власти московских государей. Они отправили к нему нового гонца Степана Матвеева, предлагая корону Великого княжества Литовского не самому царю, а младшему сыну его Федору, прибавляя, что будут советовать польским панам, чтобы и Польша также избрала себе королем царевича. Затем, согласно желанию Ивана, они отправили к нему посла, которого царь уже знал по предшествовавшим переговорам, присяжного писаря Великого княжества Литовского Михаила Гарабурду, дав ему поручение разузнать в точности, захочет ли младший сын Ивана, царевич Федор, утвердить клятвой свое обещание соблюдать права и вольности Литвы, если он будет избран на литовский престол, ибо они желают иметь у себя царевича великим князем. Так, во всяком случае, было сказано Ивану. При этом литовцы просили царя продолжить перемирие, что, разумеется, и было главной целью всех этих дипломатических переговоров.

Правда, Гарабурда задержался с отъездом до конца 1573 года; к этому времени Иван выступил в поход против шведов, и литовцы несколько успокоились: опасность для них не была уже так грозна.

Гарабурду Иван принимал в Новгороде (24, 25 и 28 февраля и 6 марта). Царь отнесся к новым предложениям литовских вельмож недоверчиво. Во-первых, они оправдывали задержку в отправлении к царю посольства моровым поветрием, которое свирепствовало в Литве и Польше и якобы мешало съехаться вместе литовским и польским вельможам, чтобы обсудить вопрос, кого избрать в короли Речи Посполитой. Довод этот, мягко говоря, не выглядел серьезно. Во-вторых, они предлагали корону то самому Ивану, то его сыну Федору. Впрочем, цель, с какой Гарабурда ездил к Ивану, была достигнута: перемирие было сохранено, хотя и не вполне, ибо московские войска, отправленные против шведов, перешли границу Ливонии, выжгли и сильно опустошили окрестности замков Буртника и Руина.

⁷ Венецианский посол Липпомапо выражается о событиях бескорольева таким образом: «Говорят, что народ литовский и русский хотел бы видеть его (то есть Ивана) польским королем и что он имеет не менее многочисленную партию, как и всякий другой претендент на корону, особенно между крестьянами, но они мало ему помогут, ибо к избирателям не принадлежат».

Ходкевич, управитель Ливонии, со своим малочисленным войском не был в состоянии дать отпор московитам; да к тому же, за недостатком денег, он не мог платить своим воинам жалованья. Опасения за судьбу Ливонии усиливались у Ходкевича еще и потому, что здесь все более явно обнаруживалось брожение умов, враждебное польско-литовскому владычеству.

Переписка литовцев с Иваном вызвала в Польше неудовольствие и взаимному доверию не способствовала; тем более что Литва желала возвратить себе земли, которые по условиям Люблинской унии были присоединены к Польше. По Польше поползли слухи, что литовцы готовы предаться московскому царю. Отчасти эти слухи исходили от самих литовских вельмож, которые слали в Польшу доносы, обвиняя друг друга в тайных сношениях с иностранными государствами к вреду Речи Посполитой и прежде всего в связях с московским царем.

Несмотря на взаимные с Польшей претензии, созванный 20 декабря 1572 года литовский съезд, состоявший из вельмож и шляхты, решил отправить послов на конвокационный сейм⁸, который должен был определить место, время и порядок избрания нового короля. Послами были подканцлер литовский Евстафий Волович и витебский каштелян⁹ Павел Пац. Явившись в Варшаву на сейм¹⁰, они самым решительным образом стали опровергать слухи о тайных соглашениях Литвы с Москвой. По их словам, переговоры с Иваном велись для того, чтобы возбудить в нем тщетные надежды утвердить свое владычество над Литвой и таким образом удержать его от враждебных действий против Литвы и Ливонии.

По желанию Литвы конвокационный сейм отложил избрание короля до весны, то есть до того времени, когда тают снега и разливаются реки, вследствие чего вторжение в страну особенно затруднительно для неприятеля. При этом, однако, надеялись, что воевать не придется, поскольку удастся склонить Ивана к продолжению перемирия. Царь между тем угрожал, если Речь Посполитая изберет в короли французского принца Генриха Валуа, обратить свой взор на Литву, а сейм как раз начал склоняться на сторону французской кандидатуры. Однажды разнеслась даже весть, сообщенная сейму из Литвы Радзивиллом и другими вельможами, что Иван прислал в Полоцк своего сына с войском, а сам следует за ним с другой армией и что таким образом Литве угрожает вторжение неприятеля. Подтверждения это известие, к счастью для Речи Посполитой, не нашло. Когда же Генрих Валуа был избран королем, элекционный сейм решил 29 апреля отправить к царю послом галицкого чашника Андрея Тарановского.

Избрание Генриха Валуа на польский престол сблизило Ивана с императором Священной Римской империи Максимилианом II. Император отправил к царю письмо, в котором жаловался «на злодейство Карла IX, истребившего более 100 000 верных подданных в день св. Варфоломея единственно за то, что они имели свою особенную веру», говорил с негодованием о дружбе французов с султаном, который помог Генриху приобрести корону Ягеллонов, убеждал Ивана вступить за христиан, предлагал ему взять Литву, а Польшу уступить Австрии и заключить тесный союз с империей. Царь немедленно отправил гонца к Максимилиану, убеждая его употребить все меры к тому, чтобы не пропустить Генриха в Польшу, и прося прислать поскорее послов для заключения вечного мира между Австрией и Россией.

⁸ Избрание короля в Польше в период выборной монархии проходило в три этапа. Конвокационный сейм назначал место и дату выборов, а также оговаривал условия, предъявляемые к кандидатам на престол. На элекционном сейме проводились выборы, в которых участвовала вся шляхта, прибывшая на сейм. На коронационном сейме избранный король подтверждал условия, выработанные конвокационным сеймом.

⁹ Каштелян – должность в воеводствах Речи Посполитой, вторая по значимости после воеводы. Среди каштелянов имелась строгая иерархия, в соответствии с которой они наряду с воеводами занимали места в сенате. Старшим считался каштелян краковский, за ним следовали каштеляны виленский и трокский, равные воеводам. Далее следовали так называемые кресловые каштеляны – познанский, сандомирский, калишский, войницкий, жемайтский, киевский, львовский, волынский и другие.

¹⁰ Конвокационный сейм назначен был на 6 января 1573 года.

«Мы все будем стараться о том, – писал Иван, – чтобы Польское королевство и Литва не отошли от наших государств; мне все одно, мой ли, твой ли сын сядет там на престол».

Все эти обстоятельства весьма усложняли миссию Тарановского. Польского посла сопровождал известный уже нам литовский гонец Федор Зенкович Воропай. Будучи послом, Тарановский тем не менее представлялся гонцом: будто бы он всего лишь везет письмо к Ивану, а великое посольство идет вслед за ним.

Посланцы переехали границу Московского государства 19 июня. Их приняли весьма радушно. Велижский воевода сопровождал их до Новгорода, где тогда был Иван, и по обыкновению старался выведать от гонцов побольше о том, что происходит в Речи Посполитой. Хитрый поляк прикидывался сторонником московского царя, отделялся от привязчивого любопытства воеводы и приставов заявлениями, что много обывателей и Польши, и Литвы желают иметь своим государем Ивана, предлагал свои услуги царю и таинственно намекал, что имеет весьма важные словесные поручения, которые может сообщить только самому государю.

Иван принял Тарановского и Воропая весьма ласково, пригласил их к своему столу и щедро угощал. Позже, 12 июля, он расспрашивал Тарановского, почему и на каких условиях избран французский королевич и почему не избрали его самого, или его сына, или, наконец, сына Максимилиана. Тарановский ответил, что сейм с великим сожалением отказался от выборов Ивана, и только потому, что царь не пожелал прислать, подобно другим государям, своих послов на сейм и таким образом показал, будто он не хочет приобретать польской короны. Разошелся якобы слух, что на сейм едет великое посольство от царя, вследствие чего сейм шесть недель провел под Варшавой, не приступая к выборам короля, так как питал надежду на скорое прибытие московского посольства. Посылали даже двух гонцов, одного по направлению к Полоцку, а другого к Витебску, чтоб узнать от пограничных воевод и старост, не едет ли посольство. И только когда гонцы принесли известие, что никакого посольства не ожидается, сейм приступил к выборам.

Ждать же дольше не было никакой возможности. Возле Варшавы собралось с лишком сто тысяч человек, вследствие чего явилась потребность в громадном продовольствии. Дело дошло наконец до того, что в окрестных деревнях нельзя было достать ни овса, ни сена, ни травы, ни соломы, нельзя было приобрести съестных припасов даже за деньги. Поэтому пришлось поскорее начинать и кончать выборы. Сын императора и сын самого Ивана не избраны за молодостью лет. Но если бы сам царь приехал управлять Польшей, тогда получил бы престол Речи Посполитой и сын его Федор. Ибо уже назначили даже людей, которые должны были учить его языкам польскому, немецкому, итальянскому и латинскому.

Королевич французский избран, но с таким условием – намекал ловкий гонец, – что есть еще возможность занять польский престол и самому Ивану. Французскому королевичу назначен срок приезда в Польшу – день св. Мартина (11 ноября). Не приедет к этому сроку – и поляки вольны выбирать другого государя. А приехать ему трудно, потому что придется совершить путешествие или по морю, или через враждебную немецкую страну. К Ивану же собирается ехать вскоре из Польши торжественное посольство, которое уладит несомненно все недоразумения, вызванные отчетом посла Гарабурды, который донес полякам и литовцам, будто царь в беседе с ним заявил, что отпускать сына своего Федора царствовать в Речи Посполитой на условиях, представленных Гарабурдой, не желает. «Сын мой не девка, – сказал будто бы царь, – и я приданого за ним не дам, не уступлю ни Полоцка, ни Смоленска, ни Ливонии; напротив того, пусть Речь Посполитая отдаст мне Киев. Если Федор будет королем, то другому роду уже не царствовать в Речи Посполитой». Эти выражения и другие оскорбили сенаторов Польши и Литвы. Но так как словам Гарабурды никто не верит, то все еще может хорошо окончиться. Услышав объяснения Тарановского, Иван сказал, что не гневается на поляков и считает причины, вследствие которых они избрали королем фран-

цузского принца, основательными; по его мнению, поведение поляков по отношению к нему было вполне корректное, а уж если кто напутал, так это только литовцы.

Похоже, Иван в самом деле поверил объяснениям Тарановского и опять стал питать надежду на возможность своего избрания в польско-литовские короли; иначе трудно объяснить, почему он заключил с Речью Посполитой перемирие еще на один год – вопреки советам цесарского посла Павла Магнуса, который был в это время в Москве.

Вместе с тем Иван поспешил принять меры, направленные к тому, чтобы Генрих не попал в Польшу. Он отправил послание королю Дании, в котором просил не пропускать Генриха через пролив Зунд ни из Франции в Польшу, ни назад, обещая за эту услугу отдать всю Ливонию его брату Магнусу и даже самому датскому королю, если у Магнуса не будет потомства.

Полякам же Иван заявил, что к Москву, дескать, приезжали Федор Зенкович Воропай и Михаил Гарабурда, которые вели с ним переговоры об условиях, на каких он может занять престол Речи Посполитой, а потому он считал уже дело решенным и вследствие этого на элекционный сейм послов своих не послал. При этом он выражал надежду, что в том случае, если Генрих не прибудет к установленному сроку, поляки пожелают иметь его своим государем, и обещал отправить для переговоров об условиях своего избрания в качестве послов ивангородского наместника и своего ближнего дворянина Михаила Васильевича Колычева да дьяка Петра Ерша Михайлова.

При этом Иван заметил, что главными виновниками неудачи, постигшей его, были литовские вельможи. Они присылали к нему Гарабурду, лишь чтобы выведать его намерения, а совсем не для того, чтобы договориться об условиях избрания его на польско-литовский престол; он-де беседовал с послом по душе, без всякого лукавства и тайно, а они оповестили об их разговорах весь мир и планы его расстроили.

Поверив заявлению Тарановского о том, что избрание его королем еще возможно, Иван отправил в Польшу посольство, но оно было задержано в Литве до тех пор, пока не соберется вальный сейм¹¹. Очевидно, это был только предлог; послы были задержаны нарочно литовскими вельможами с той целью, чтобы дожидаться прибытия в Польшу Генриха. Когда это случилось, Иван отозвал своих послов назад.

Но военных действий, чего так боялись поляки и литовцы, Иван так и не начал. Он сохранял с Речью Посполитой мир и в царствование Генриха; к этому его принуждали обстоятельства: во-первых, продолжалась война со шведами; во-вторых, весной 1574 года над Московским государством нависла угроза нового нашествия крымских татар, что заставило стянуть на берега Оки многочисленные войска.

К Генриху Иван отправил гонца Федора Елизарьева сына Елчанинова; ему было поручено взять у короля опасную грамоту для послов, которых царь намеревался отправить к королю для поздравления с восшествием на престол. Но царский гонец не застал уже Генриха в Польше: в ночь с 18 на 19 июня он тайно – опасаясь, что поляки по-доброму его не отпустят, – отбыл во Францию, дабы занять престол, который освободился после смерти его брата Карла IX.

Вслед за этим сенат Речи Посполитой отправил к царю послов Варфоломея Завадского и Матвея Протасовича, чтобы одновременно известить его о возведении Генриха на престол и об отъезде его во Францию. Послы просили царя о продлении перемирия еще на два года, на что Иван немедленно дал свое согласие. Освободившийся литовско-польский престол снова манил его надеждой на приобретение короны Речи Посполитой и мирное разрешение в свою пользу спора из-за Ливонии.

¹¹ Вальный сейм – общий сейм Королевства Польского и Великого княжества Литовского; был создан в результате заключения Люблинской унии между этими государствами в 1569 году.

Правда, царь заявил, что желает иметь дело только с самим королем, а не с сенаторами Речи Посполитой, но, очевидно, это был всего лишь дипломатический ход, связанный с тем, что Иван не был уверен в бесповоротности отъезда Генриха. В Польшу к Елчанинову был послан гонец Петр Давыдов с инструкцией, как действовать в новых обстоятельствах. Этот гонец вез, вероятно, письма и к некоторым вельможам Речи Посполитой, на поддержку которых царь рассчитывал, – по крайней мере таковы были слухи.

Расчеты Ивана могли вполне оправдаться. Приверженцы его в Польше и Литве были весьма многочисленны. Волынь, Мазовия, Великая Польша, значительная часть Литвы и Украины желали видеть его на литовско-польском престоле, но польская и литовская аристократия – светская и духовная – всеми силами противилась его избранию. Когда Елчанинов из Польши отправился в Литву и остановился здесь на долгое время, заявляя, что царь приказал ему ждать возвращения короля, литовские вельможи сильно встревожились. Понимая, что это только предлог, чтобы ознакомиться хорошо с состоянием местных дел и подготовить почву для успешного исхода выборов царя или его сына, они учредили над московским гонцом самый бдительный надзор и всячески старались стеснить свободу его действий.

При этом Радзивилл и Ходкевич, опасаясь, что поляки начнут договариваться с Москвой в обход литовцев, устроили такую стражу на границе Польши и Литвы, что сношения поляков с москвитами стали невозможны. А когда этого литовским вельможам показалось мало, они стали даже подумывать о том, чтобы посягнуть на жизнь московского гонца. Они готовы были отравить его, лишь бы только он не явился в Стенжицу, где должен был собраться сейм, которому предстояло решить судьбу польско-литовского трона после отъезда Генриха.

Тем временем у поляков обнаружился повод к раздражению против литовцев. У шляхтича Христофора Граевского, отправлявшего товары в Москву, Иван велел отобрать их в казну за то, что не была уплачена какая-то пошлина. Тогда Граевский поехал сам в Москву, чтоб похлопотать о возвращении своего имущества. Иван позвал его к себе и дал ему поручение сообщить полякам, что он желает соединить свое государство с Польшею такими же узами, какими Ягелло соединил с ней Литву. Он, мол, готов отказаться даже от своей веры, если только на публичном диспуте будет доказано превосходство католичества. А если поляки пришлют опасную грамоту, то он явится в Польшу самолично с небольшой свитой, чтобы договориться относительно условий принятия короны. Дескать, он верит полякам и не сомневается, что при любом исходе переговоров они позволят ему свободно возвратиться назад в Москву. Тогда между Польшей и Москвой утвердятся вечный мир и союз. Эти обещания, весьма заманчивые для шляхты, были, очевидно, дипломатической уловкой с целью привлечь к себе еще больше сторонников в Речи Посполитой. Граевский вез их в Польшу, но в пути, по приказанию виленского воеводы Радзивилла, был схвачен и заключен под стражу. Обо всем этом польская шляхта узнала случайно из письма, которое заключенный переслал своему брату¹².

В этой ситуации сейм назначил королю Генриху срок для возвращения – 12 мая 1575 года, определив, что если он к этой дате не возвратится, то будет избран новый король. Но

¹² Историк Ф. Уманец считает это письмо апокрифическим. «Очевидно, что это письмо было или написано в Стенжице от имени Граевского, т. е. было подложно, или было написано самим Граевским и заключало в себе заведомую ложь. При всей непоследовательности Ивана Грозного он не мог настолько увлечься польской короной, чтобы присоединить к ней свое родовое Московское государство на тех же условиях, на каких Ягелло присоединял некогда Литву. Невероятно также, чтобы при переговорах о польской короне он согласился обойти дипломатический этикет, т. е. избрать в посредники случайно захватившего в Москву польского шляхтича. Вся фабула письма Граевского придумана, по всей вероятности, только для того, чтобы заинтересовать сейм его особой и вызвать ходатайство об его освобождении». То, что говорит историк, было бы, пожалуй, и основательно, если бы он не забыл объяснить нам, за что литовцы посадили Граевского в тюрьму и что это было за подозрительное в глазах Ходкевича письмо, привезенное Граевским из Москвы, за которое он и угодил в тюрьму и которое Ходкевич не показал шляхте.

срок этот прошел, а Генрих не возвратился. В назначенный день в Стенжице открылся сейм, на который явился Елчанинов, несмотря на все козни литовских аристократов.

Впрочем, и польские аристократы в отличие от значительной части шляхты не горели желанием видеть Ивана на престоле. Они опять пустили в ход прежние методы, начав уверять царя в своей преданности и в желании избрать его королем, а на деле стремясь к прямо противоположному. Гнезненский архиепископ Яков Уханский, глава Речи Посполитой во время бескорольевья и сторонник Генриха Валуа, передал Елчанинову образцы грамот, какие царь должен прислать духовенству, вельможам, всему рыцарству и каждому вельможе в отдельности. Поляки и русские, писал архиепископ, будучи одного племени славянского или сарматского, должны, как братья, иметь одного государя. Виленский каштелян Ян Ходкевич, известный своей непримиримой враждой к Ивану, явился однажды тайком, ночью, на свидание к московскому гонцу и заявил ему, что вся Литва только и ждет к себе царя на государство, причем он изложил условия, на каких могло бы состояться избрание Ивана. Трудно, говорил хитрый вельможа, принять литовцам условие наследственности короны в потомстве царя; трудно также отступить им от Киевской и Волынской земель, которые царь хочет присоединить к своему государству; наконец, трудно им согласиться и на то, чтобы царя венчал московский митрополит. Но если Иван откажется от этих требований, выбор его обеспечен. Преданность Литвы царю, говорил Ходкевич, так велика, что царь может отправить посольство в Литву и без опасной грамоты.

В задачу Ходкевича входило прежде всего обезопасить от притязаний Московского государства Ливонию, которой он управлял. Тем более что на верность самих жителей Ливонии Речь Посполитая положиться никак не могла – многие ливонцы готовы были подчиниться Магнусу, который, при поддержке Ивана, вел войну со шведами, надеясь отторгнуть в свою пользу шведскую часть Ливонии.

Как бы в оправдание польских опасений за судьбу Ливонии в это время пришло известие, что Магнус, имея в своем распоряжении московское войско (12 000 человек), завладел городом Перновом, принадлежавшим Речи Посполитой. Противники кандидатуры Ивана увидели в этом результат уговора царя с его сторонниками в Литве и Польше; они думали, что Иван решил действовать угрозой, дабы провести свою кандидатуру.

Результатом всего этого стало, что сенаторы Речи Посполитой не дали Елчанинову опасной грамоты для царских послов. Но в то же время в грамоте, которую отправили с Елчаниновым, опять просили Ивана о мире.

Все это укрепило недоверие Ивана; с другой стороны, сведения, добытые Елчаниновым, давали надежду на то, что выбор его в короли еще возможен. Тут заметим, что и польская, и литовская шляхта и после стенжицкого съезда относилась сочувственно к кандидатуре царя; кроме того, папский нунций, отстаивавший интересы австрийского двора, готов был поддержать притязания Ивана, ибо у него мелькнула мысль о возможности обращения царя в католичество, когда он сделается королем Речи Посполитой.

С другой стороны, успеху царя вредили излишняя осторожность, медленность и неопределенность его политики. Шляхта, собравшаяся на элекционный сейм в Варшаву 7 ноября, ожидала нового московского гонца Семена Бастанова с большим нетерпением. Когда гонец 17 ноября наконец прибыл, ему была устроена торжественная встреча, но тут выяснилось, что у него, кроме передачи письма, которое было тут же, на сейме, прочитано, нет никаких других поручений от Ивана. В письме Иван жаловался, что послов и гонцов его в Речи Посполитой задерживают и поздно отпускают назад, и обещал соблюдать мир, но только не в отношении Ливонии, относительно которой он предлагал особенные переговоры, для чего было обещано прислать посла, но не великого, а «меньшего».

Ожидавшая совсем иного шляхта почувствовала себя обманутой в своих ожиданиях, и число сторонников царя стало стремительно уменьшаться. Правда, и на соглашение с ари-

стократией шляхта идти не желала. На состоявшихся выборах аристократия провозгласила королем германского императора Максимилиана II, шляхта – трансильванского воеводу Стефана Батория. Двойная элекция вызвала в Речи Посполитой неуверенность и колебание: обе партии опасались за успех своих избранников. Пока партии вели переговоры с ними о принятии условий, на которых им отдавалась корона Речи Посполитой, время уходило, и были моменты, когда многим казалось, что и тот, и другой избранник откажутся от такой чести.

Приверженцы императора нарочно рассеивали ложные слухи о Батории, чтобы вызвать смуту в умах своих противников. Они говорили, например, что императорские войска взяли его в плен и увели в Вену, и сторонники Батория пребывали в сомнении, прибудет ли он к сроку, назначенному для коронации. Император Максимилиан II с принятием короны медлил: назначенный ему срок в один месяц для прибытия в Польшу прошел, а император продолжал вести неспешные переговоры с посольством, которые отправили к нему в Вену его приверженцы.

Все это возбуждало у многих мысль, что оба избранника не приедут в Польшу и тогда на новых выборах московский царь наконец добьется своего, о чем и сообщил Ивану гонец Бастанов, возвратившийся из пределов Речи Посполитой. В этот момент, однако, политика Ивана получила иное направление, оставаясь, впрочем, по отношению к Речи Посполитой такой же неопределенной. Связано это было с предложением от Максимилиана II союза против турок в обмен на поддержку со стороны Ивана кандидатуры его сына Эрнеста на польско-литовский престол. Царь предложением заинтересовался, но соглашался отдать Эрнесту только Польшу, а Литву с Киевом желал присоединить к своим владениям; что же касается Ливонии, то ее он без всяких оговорок продолжал считать своей вотчиной.

Предлагая Максимилиану раздел Речи Посполитой, Иван в то же время конфиденциально раздавал литовским вельможам самые заманчивые обещания: будто бы он даже готов отказаться от Киева, на владение которым предъявлял раньше свои права, и заключить унию на тех условиях, на каких она состоялась при Ягелле. Минский каштелян Ян Глебович, которому московский гонец сделал это заявление, отнесся к нему недоверчиво, хотя и сообщил об услышанном Ходкевичу как о деле, достойном внимания и обсуждения.

Такие же тайные переговоры Иван вел и с польскими вельможами. Гонцу наказано было явиться прежде всего к гнезненскому архиепископу, поскольку царь, на основании прежних сношений с ним, считал его одним из главных своих сторонников. Гонец, прибыв в Лович, резиденцию архиепископа, огласил, что раз в государстве нет короля, то он считает архиепископа главой государства и в соответствии с приказанием царя будет править свое посольство только там, где будет присутствовать архиепископ; посему он не поедет дальше, в Краков, и здесь в собрании польских сенаторов сделает заявление от имени царя.

Когда архиепископ дал гонцу аудиенцию, он потребовал опасной грамоты для главного посла, которого царь намеревается в возможно скором времени отправить в Польшу.

Очевидно, через этого гонца Иван хотел выведать состояние Речи Посполитой на случай войны против нее в союзе с Максимилианом и вместе с тем узнать, окончательно ли исчезли его шансы на польско-литовский престол, или можно попытаться еще счастья. Это не мешало ему навязывать полякам в короли эрцгерцога Эрнеста и угрожать войной, если они не подчинятся. Предложения царя литовцам были несколько иные: он выражал желание быть у них великим князем, а на тот случай, если Литва не захочет отделиться от Польши, советовал и Литве избрать австрийского эрцгерцога. Такая политика не могла, конечно, возбуждать к себе доверия ни в польских, ни в литовских вельможах. Со своей стороны, они тоже хитрили; Ходкевич, выражая полную преданность царю через посланника Новосильцева, бывшего в Литве в начале 1576 года, активно готовился к войне с ним. Поначалу Ходкевич был усердным приверженцем Габсбургов, но тотчас же после избрания Максимилиана II на престол его пути с императором разошлись; причина была проста: Ходкевич не

получил от Максимилиана денежных субсидий, на которые рассчитывал. Поэтому он перешел на сторону Батория – тем более что приверженцы трансильванского воеводы сулили ему то самое золото, на которое поспешил Максимилиан.

Пока Иван вел дипломатические переговоры на два или даже на три фронта, Стефан Баторий проявил замечательную решительность. Он прибыл в Краков 22 апреля, а 1 мая был коронован королем. Своим характером он произвел на поляков самое лучшее впечатление. Умеренность, приветливость к окружающим, энергичность в словах и действиях, рассудительность, дар красноречия, образованность и в особенности отличное знание латинского языка – все это сразу понравилось его новым подданным. В незнакомой для себя обстановке он, иностранец, сумел сориентироваться и быстро взялся за дело.

Государству отовсюду угрожала опасность. Хотя между Турцией и Речью Посполитой и был мир, он во всякое время мог быть нарушен запорожскими казаками, которые производили опустошительные нападения на турецкие земли. Южным областям постоянно угрожали крымские татары. Существовала опасность со стороны Тевтонского ордена, великий магистр которого, не прекращавший предъявлять притязаний на свои бывшие владения, мог легко воспользоваться затруднительным положением Речи Посполитой, чтобы возвратить утраченное, – и Максимилиан II, соперник Батория, мог оказать ему поддержку. Даже такое отдаленное государство, как Дания, в состоянии было причинить немало хлопот Речи Посполитой. Но самым страшным врагом был, конечно, московский царь, с аппетитом глядевший на Ливонию; могущество Московского государства могло возрасти со временем до такой степени, что стало бы угрожать самому существованию Польши.

Внешние опасности усугублялись анархией и раздорами внутри государства. Не все области Речи Посполитой признали Батория своим королем. Представители Литвы даже не присутствовали на его коронации. Можно было предположить, что число сторонников Максимилиана весьма значительно и что с ними предстоит упорная борьба, которая казалась тем опаснее, что за императором стояла серьезная сила. К довершению всевозможных затруднений, у короля вовсе не было средств, так как казна Речи Посполитой была истощена.

Своим избранием на польский престол Стефан Баторий прежде всего был обязан влиятельному в Польше роду Зборовских, которые надеялись, что теперь приберут к рукам государственные дела. Но они ошиблись в своих расчетах; их влияние продолжалось очень недолго. На коронационном сейме возник сильный спор. Канцлер Дембинский был уже дряхлый старик, а потому не мог заниматься делами. Зборовские, открыто заявлявшие, что это они доставили польскую корону Баторию, требовали должности канцлера для своей семьи; они прочили на нее придворного маршала Андрея Зборовского. Но король назначил канцлером подканцлера Петра Кольского, а подканцлером – Яна Замойского.

Последнее назначение особенно замечательно. Ян Замойский был одним из самых влиятельных вождей шляхетской партии; в лагере своих сторонников он уже исполнял должность канцлера в тот момент, когда Батория еще не было в Польше. Замойский пользовался у шляхты таким доверием, что многие, когда уезжали, оставляли ему бланки со своими подписями и печатями, разрешая писать на этих бланках все, что он сочтет необходимым. Баторий еще из Трансильвании обратил на него внимание и вступил с ним в переписку. Ему, не знакомому с языком, обычаями, учреждениями Польши, необходим был помощник, сведущий во всем этом. Назначение Замойского подканцлером было весьма удачно: оно еще больше расположило шляхту к Баторию и укрепило его положение в Польше.

Шляхта была настроена воинственно и требовала выступить сразу против всех врагов короля внутри страны. Баторий был иного мнения. Он полагал, что нужно действовать осторожно. С одними, по его мнению, следовало вести переговоры и простить им все ради блага Речи Посполитой, на иных повлиять лаской, к третьим отправить согладатаев, чтобы потом разом подавить всякое с их стороны сопротивление, и только немногим он решился прямо

объявить борьбу. Главу императорской партии – гнезненского архиепископа Якова Уханского – Баторий хотел сначала привлечь на свою сторону переговорами и обещаниями, но когда тот вздумал созвать своих приверженцев на съезд в Лович, он просто сообщил ему, что прибудет к нему на завтрак – во главе вооруженного отряда, – и архиепископ, поняв, к чему идет дело, смирился; за ним подчинились Баторию и все другие приверженцы Максимилиана.

Что касается Литвы, то один из самых видных ее представителей Ян Ходкевич, переметнувшись на сторону Батория, немало поспособствовал тому, что на съезде в Мсцибове Литва признала Батория своим королем.

С Пруссией Баторий вступил в переговоры, но они не увенчались успехом. Начались военные действия, которые продолжались до конца 1577 года. Эта война, потребовавшая присутствия самого короля на театре военных действий, отвлекала силы Речи Посполитой и не позволяла ему действовать решительно против самого опасного врага – московского царя. Баторий опасался, что Иван нападет еще до окончания перемирия, ибо приходили вести, что царь собирает войска с намерением вторгнуться в литовские пределы; поэтому король то и дело напоминал литовцам, что им следует быть настороже. Впрочем, срок перемирия с Москвой уже истекал, и Баторию приходилось предпринимать усилия, чтобы хоть на некоторое время отсрочить неизбежную борьбу из-за Ливонии.

Утвердившись на престоле, Баторий отрядил к Ивану посланников Юрия Грудзинского и Льва Буковецкого, чтобы получить от него опасную грамоту для великих послов, которых он намеревался отправить для переговоров о заключении мира между Речью Посполитой и Москвой.

Грудзинский и Буковецкий приехали в Москву 27 октября. Прежде чем представить посланников царю, им задали вопрос о происхождении Батория, объясняя, что царь желает поступать с ними согласно достоинству рода короля. Но Грудзинский и Буковецкий не захотели входить в объяснения.

Прием назначили на 4 ноября. Иван продемонстрировал всю пышность, блеск и великолепие своего двора, чтобы показать польским посланникам глубокую разницу между царским величием и положением их короля, которого он считал данником турецкого султана. Иван сидел на троне в великолепном одеянии и мономаховой шапке, окруженный роскошно разодетыми боярами, дворянами, дьяками и иными придворными чинами. При представлении посланников царь не привстал, как того требовал обычай, и, спрашивая о здоровье Батория, не назвал его братом. Стола посланникам накрыто не было. Иван был недоволен тем, что Баторий не давал ему царского титула, не называл его князем полоцким и смоленским и не считал его наследственным владетелем Ливонии; впрочем, унизив посланников, он тем не менее согласился продолжить перемирие и дал опасную грамоту для великих послов Батория.

Король тоже был недоволен: его оскорбило то, что Иван не дал ему титула «брата», то есть не признал равным себе, и принял посланников неподобающим образом. Так уже с первых шагов между Баторием и Иваном начались недоразумения.

Но Иван избегал пока вступать в открытую схватку с Речью Посполитой, потому что не переставал еще надеяться приобрести Ливонию путем соглашения с германским императором. Однако его планам не суждено было осуществиться, ибо вскоре – 11 октября 1576 года – Максимилиан II умер.

Баторий вел переговоры с московским царем о заключении мира, но в то же время принимал меры для защиты от него государства. Он приказал литовскому польному гетману Христофору Радзивиллу поставить конные отряды в пограничных замках, в Витебске, Лепеле, Мстиславле, Орше (по 100 человек) и в Уле (50 человек) и уплатил часть жалованья на содержание этих отрядов из собственной казны. Больше король сделать не мог, ибо казна была пуста. Он изыскивал различные источники, чтоб раздобыть средства. Так, он

поехал в Тыкоцин, чтобы осмотреть сокровищницу, оставшуюся после покойного Сигизмунда, очевидно, с намерением воспользоваться ею для удовлетворения государственных нужд, но больших сумм здесь не нашел. Из Тыкоцина он отправился в Кнышин, куда созвал польских и литовских вельмож, чтобы держать совет о делах Ливонии, которая выглядела совершенно беззащитной. Дошло до того, что Ходкевич стал отказываться от управления ею, поскольку не видел возможности исполнять свои обязанности.

Королю удалось уговорить его остаться на должности, но дать денег на организацию обороны он не был в состоянии. Пришлось ограничиться постановкой небольших отрядов в крепостях: в Динамюнде – 160 человек, Мариенгаузе – 100, в Режице (Розитене) и Люцене по 50 и в Лемзеле – 25. Однако королевский приказ об отправке полуторатысячного отряда на границы Литвы исполнен не был, так как денег хватило только на 600 человек.

Король созвал сейм в Торне, надеясь добиться от своих подданных разрешения установить налоги ради удовлетворения военных потребностей. На сейме, однако, между королем и шляхтой произошел сильный разлад. «Мы не хотим, – заявили шляхетские делегаты в ответ на предложения короля, – чтобы на нас низринулось ярмо...» При этом вспомнили об условиях, на которых Баторий стал королем: что «шляхта впредь этим налогам не будет подвергаться» и что «король будет исполнять свои обязательства относительно защиты государства».

Масла в костер конфликта подлило и желание короля провести военную реформу и реорганизовать, разделив на части, дворянское ополчение, которое представляло собой толпу плохо дисциплинированных, а часто и плохо вооруженных конных шляхтичей и имело такую же – весьма малую – цену в военном деле, как и конница служилых людей в Московском государстве. Разделением ополчения король хотел, очевидно, сделать его подвижнее и уменьшить вред, причиняемый громадной массой войска тем областям, по которым она двигалась, производя опустошения на своем пути. Шляхта отнеслась к королевскому проекту недоверчиво: она опасалась, что король, получив право делить ополчение по своему усмотрению, захочет ослабить ее вооруженную силу и, соответственно, укрепить собственную власть, а потом, пожалуй, и захватит полное господство в Речи Посполитой. Один из делегатов, Оржельский, прямо заявил в своей речи, что это повлечет за собой гибель шляхты. При этом непригодность шляхетской конницы для военного дела понимал не только король, но и, похоже, все вокруг. Вот показательный пример. Литовские послы, явившиеся на торнский сейм, потребовали, чтобы поляки, согласно условиям Люблинской унии, оказали помощь Литве, поскольку ей угрожает опасность со стороны московского царя. Поляки согласились двинуть на помощь литовцам ополчение; но литовцы тут же заявили, что такая помощь будет разорительна для них, и свою просьбу отозвали.

Сейм в конце концов разошелся, не дав никакого результата.

Тем временем из Москвы возвратились Юрий Грудзинский и Лев Буковецкий и привезли с собою опасную грамоту для великого посольства, которое было снаряжено в самый короткий срок. Во главе его стали мазовецкий воевода Станислав Крыский, минский воевода Николай Сапега и дворный подскарбий литовский Федор Скумин. Одновременно с отправкой посольства Баторий строго-настрого приказал соблюдать полное спокойствие на границах с Московией, чтобы не давать Ивану даже малейшего повода к столкновению.

Впрочем, интуиция подсказывала Баторию, что от дипломатии пользы уже может и не быть. На это указывали и завязавшиеся связи Москвы с поднявшим мятеж Данцигом, и сношения ее с татарами. Царь отправил крымскому хану подарки, после чего татары произвели опустошительный набег на Волынь и Подолию, и Баторий не без оснований усматривал связь между этими двумя событиями.

Близился момент величайшей опасности для Речи Посполитой. Чтобы отразить ее, необходимо было изыскивать средства, и Баторий проявил в этом недюжинную энергию.

Он созвал на 23 марта сенаторов в город Влоцлавек и предложил им обсудить меры, необходимые для государственной обороны. Сенаторы посоветовали обратиться к шляхетским сеймикам непосредственно за новыми налогами и не созывать сейма, так как совещания его бывают безрезультатны. Мера, присоветанная королю сенаторами, была противна условиям, согласно которым Баторий стал королем, однако он решил ее испытать.

Чтобы сильнее повлиять на умы шляхты и таким образом склонить к необходимым пожертвованиям на защиту государства, король изобразил печальное состояние страны самыми яркими красками. Жители Данцига не только упорствуют в своем мятеже, но производят неслыханные грабежи и насилия. Они опустошили много шляхетских имений, разрушили монастырь Оливу, намереваются уничтожить все польское в Пруссии. Мало того, они обращаются за помощью к врагам Речи Посполитой и строят всюду против нее козни. Немало вреда своими вторжениями причинили татары. Опасность угрожает и со стороны московского царя. Речь Посполитая погибнет, если не будет оказана ей помощь. Так король говорил, обращаясь к шляхте.

Одновременно Баторий решил привлечь к пожертвованиям и духовное сословие, которое освобождено было от государственных налогов. По этому поводу собрался синод в Петрокове, и желание короля было удовлетворено: синод определил дать королю субсидию.

Обращение к шляхте тоже увенчалось успехом. Главные провинциальные сеймики в Коле, Корчине и Варшаве установили налоги согласно положениям, определенным на люблинском сейме 1569 года. Кроме того, сенат разрешил Баторию заложить даже коронные драгоценности.

Баторий не ошибся в своих опасениях. Еще 10 февраля 1577 года, то есть за полтора месяца до съезда в Влоцлавке, Иван принял решение «идти очищать свою отчину Вифлянскую землю».

II. Ливонский поход Ивана (1577)

Состояние Ливонии в этот момент было весьма печально.

Мы знаем, что еще в 1570 году Иван провозгласил королем ливонским на вассальных условиях принца Магнуса, надеясь при помощи такой политической комбинации утвердиться на берегах Балтийского моря; целью его было достижение свободы торговых и промышленных сношений с Западной Европой. Магнус обязался не чинить никаких препятствий при проезде через свои владения иностранным купцам, художникам, ремесленникам и военным людям, направлявшимся в Московское государство.

Возведение Магнуса в короли было отпраздновано торжественно; в честь этого события Иван выпустил на свободу всех немцев, которые находились у него в плену; попутно вассал был обручен с царской племянницей Евфимией Владимировной, дочерью князя Владимира Андреевича Старицкого.

В стремлении воплотить свой план в жизнь Иван отправил в августе 1570 года Магнуса с войском в Эстляндию, но предприятие это потерпело крушение при осаде города Ревеля. Неудача сильно напугала Магнуса, в особенности тогда, когда два его помощника, Таубе и Крузе, авторы проекта Ливонского королевства, бежали в Польшу, чтобы избежать царского гнева. Магнус опасался и для себя царской опалы, из-за чего отправился даже на остров Эзель в надежде пересидеть там царский гнев. Но Иван продолжал выказывать ему благосклонность: он выдал даже за него замуж свою вторую племянницу Марию Владимировну (тоже дочь Старицкого), когда, так и не став женой Магнуса, умерла первая.

Однако царь не питал уже к нему прежнего доверия, боясь измены с его стороны. Поэтому и приданое было невелико. Магнус вынужден был удовольствоваться только двумя замками, Каркусом и Оберпаленом, которые царь пожаловал ему во владение. Король-неудачник жил здесь со своей юной женою в весьма бедной обстановке и в постоянной тревоге за свои владения, ибо они подвергались опустошениям не только со стороны шведов, с которыми московский государь вел войну, но и со стороны отрядов, находившихся на службе Речи Посполитой – несмотря на перемирия, которые она заключала с Москвой; впрочем, Иван тоже не соблюдал полностью перемирных договоров.

Речь Посполитая, как мы видели выше, старалась обезопасить Ливонию от притязаний Ивана путем дипломатии и до поры до времени делала это довольно успешно. Иной помощи – а тем более военной – она предоставить не могла.

Между тем силы Ливонии были истощены; в умах населения царила неуверенность абсолютно во всем, в настроениях наблюдался разброд. В то время как одни выказывали преданность Речи Посполитой, другие готовы были изменить ей в любой подходящий момент. По стране сновали тайные агенты, которые возбуждали жителей против польско-литовской власти. Вопреки перемирию московские отряды не раз вторгались в ее пределы; в начале 1575 года они захватили замок Салис, в июле того же года завладели городом Перновом; при этом они не церемонились с местными жителями. После взятия Пернова ливонцами овладела сильная паника: многие бежали в Ригу. Ходкевич выдвинулся было после этого с отрядом в 2000 человек против русских, но смог вернуть только замок Руин.

В начале октября 1576 года Магнус напал на замок Лемзаль и завладел им в отмщение за нападение, произведенное курляндскими дворянами на его владения. Это случилось уже в царствование Стефана Батория.

Страдая от неприятельских вторжений, неуверенные в безопасности не только своего имущества, но и своей жизни ливонцы винили в этом правительство Речи Посполитой; особенно сильно они осуждали нерадивость Ходкевича, обвиняя его даже в тайном пособничестве московскому государю. Ливонцы жаловались также и на то, что их страну не включили в перемирный договор, как будто бы она не входила в состав Речи Посполитой; между тем Ходкевич уверял, что перемирие распространяется и на Ливонию, и вследствие этого требовал, чтобы никто в Ливонии не вооружался, ибо это раздражает могущественного соседа и колеблет мирные отношения, в которых состоит с Иваном Речь Посполитая.

Тут надо, впрочем, сказать, ливонцы давно вышли из доверия Речи Посполитой. Многие ливонские замки находились в руках немцев, которые преследовали собственные интересы. Вероломство ливонцев сделалось, по словам Батория, их обыденным пороком. Ввиду этого Ходкевич опасался созывать посполитое рушение¹³ в Ливонии, ибо оно могло обратить свои действия против Речи Посполитой. Он был так раздражен против ливонцев, что на просьбу их о помощи как-то заявил, что помочь им не в состоянии, а если бы и мог это сделать, то он не прислал бы им в виде вспоможения даже никуда не годную корову.

Коль скоро иным способом отстоять Ливонию, казалось, было нельзя, Стефан Баторий уповал на дипломатию. Снарядив великое посольство, он известил Ивана об этом и предлагал пока соблюдать перемирие по всем границам обоих государств, но Иван в своем ответном письме Ливонию обошел молчанием. Отправление великих послов в Москву, однако, из-за болезни мазовецкого воеводы Станислава Крыского задержалось.

Между тем от купцов то и дело стали поступать известия, что русские собирают громадные силы в Пскове. Решив еще в феврале занять Ливонию силой, Иван стал делать соответствующие приготовления. Главными сборными пунктами для войск были назначены Новгород и Псков, а чтобы усыпить бдительность врага, пустили слух, что намечается поход против Ревеля. Действительно, московские войска осаждали этот город зимою 1577 года, но неудачно, так что слуху можно было поверить.

Готовясь к войне с Речью Посполитой, Иван вернулся к проекту Ливонского королевства, хотя и на иных условиях. К этому моменту положение Магнуса, короля только номинального, сделалось совсем тягостным, и он начал искать пути выхода из него. В конце 1576 года он вошел в сношения с Ходкевичем, обещая передать Баторию Иберполь, Каркус, Лемзаль и другие свои замки, если будут приняты предлагаемые им условия, то есть речь шла о прямой измене Ивану. Затем состоялись переговоры с самим Стефаном Баторием. Конечно, их старались вести в совершенной тайне, однако какие-то слухи до Ивана все-таки дошли. Предполагая, что измена может быть открыта, и опасаясь попасть в руки московитов, Маг-

¹³ Посполитое рушение – дворянское ополчение, созываемое на основании решения короля о военной мобилизации.

нус стал переезжать из одного замка в другой. Наконец царь приказал арестовать своего вассала и отправил несколько отрядов, чтобы задержать его.

Перепуганный и запутавшийся в своих связях Магнус принялся из своих укрытий заводить Ивана в своей полной преданности. Затем, загнанный в угол, он решил-таки явиться в Псков, пред очо своего сюзерена, чтобы хоть как-то оправдаться. Оправдания эти до известной степени имели успех. Иван поверил им или по крайней мере показал вид, что верит. Вслед за этим Магнус получил от Ивана область к северу от реки Аа (частью этой области он уже владел) и город Венден. Ливония между Аа и Двиной переходила во владение Ивана; занимать здесь любые пункты Магнус имел право только с соизволения царя.

Прежде чем выступить в поход на Ливонию, Иван отправил туда на разведку отряд конных татар. Польский полковник Матвей Дембинский пытался было остановить его движение, но был разбит и обращен в бегство. Татары донесли Ивану, что войска в Ливонии ничтожны, и 13 июля он двинулся в поход из Пскова во главе армии численностью до 30 000 человек¹⁴.

Еще раньше, 9 июля, из Новгорода царь выслал вперед отряд в 4316 человек под начальством князя Тимофея Романовича Трубецкого, приказав ему идти на Трикат и Вольмар. Трубецкой огнем и мечом прошелся по окрестностям Триката, Вольмара, Нитау, Зегевольда, Трейдена, Кремона и других местечек и достиг Западной Двины у замка Крейцбург.

Между тем сам Иван 16 июля подступил к замку Мариенгаузен.

В нем находились всего 25 человек гарнизона, вооруженных восьмью пищалями. Вследствие этого сопротивление многочисленному войску Ивана было невозможно, да и охоты сражаться у немецких солдат не было. Поэтому неудивительно, что замок сдался царю без боя. Царь отпустил солдат на все четыре стороны, приказав остаться в городе только местным жителям.

Оставив в Мариенгаузене 75 человек гарнизона, Иван двинулся к Люцину, который тоже сдался ему без боя. Немцы, находившиеся здесь, изъявили желание служить московскому государю. Иван приказал отправить их в Москву и, «разобрав, устроить поместьями и деньгами; а которые пригодятся в пушкاري и в стрельцы, и тех устроить жалованьем денежным и хлебным»¹⁵.

Затем Иван овладел 27 июля Режицей. Лишь только царские войска подступили к этому городу, как он был сдан оборонявшими его немцами без единого выстрела. Вследствие этого Иван весьма милостиво обошелся с солдатами местного гарнизона и также принял их на свою службу.

Оставив в крепости 178 человек войска, Иван направился к Динабургу (Невгину). Начальником гарнизона был здесь поляк Соколинский, который, выслав в царский стан двух парламентариев-немцев, объявил через них, что сдает город на волю государя. Иван велел расспросить сдавшихся, хотят ли остаться у него на службе или быть вольными, обещая, что тех, «которые похотят на его государево имя и Государь их пожалует на свое имя, взять их велит и устроит, как им быти; а которые на государево имя не похотят, а учнут бити челом, чтоб их Государь пожаловал, велел им дати повольность, и Государь пожалует, отпустить их велит». Невгинские люди били челом, чтоб им государь велел дать волю.

Иван не только дал им свободу, но и удостоил особой милости – пригласил к своему столу и пожаловал им шубы.

¹⁴ При этом Иван оставил в Новгороде своего сына Федора с боярами Борисом и Дмитрием Федоровичами Годуновыми. В поход с царем выступили 16 505 человек и еще 12 430 человек были при артиллерии.

¹⁵ Неверно утверждение немецких историков, что немцы с женами и детьми были отправлены как пленные в Псков, а литовцы и поляки отпущены на волю в знак того, что царь ведет войну только с Ливонией, но с поляками соблюдает мир.

В Динабурге оставлены были 350 человек и значительная артиллерия: семь пищалей медных, три пищали скорострельные железные, 104 пищали затинные; к пищалам было 1000 ядер и 50 прутков свинцу.

По пути к Лаудону (не доходя три версты от него) Иван послал отряд в 200 человек к Крейцбургу под начальством Елчанинова, который 6 августа донес царю, что «он приехал под город, аже город горит, а ворота-де городовые, выгорев, завалились». Тогда Иван приказал: «Досмотрити того, доехал ли Иван Елчанинов до Круцборха или не доехал?» Посланный принес царю известие, «что он под Круцборхом был и про Ивана Елчанинова сказал, что он ж с детьми боярскими и с стрельцы стоит у города у Круцборха, а в город ехать ему нельзя, потому что-де город горит и ворота у города выгорели». Город был зажжен, очевидно, отрядом князя Трубецкого.

Иван приказал Крейцбург осмотреть; результат осмотра оказался таков: «в городе в Круцборхе старого города стена разсыпалась вся, а в вышегороде дома погорели все, а в вышке мосту и кровли нет».

Затем царь двинулся к Лаудону, который подчинился добровольно. Лаудонские немцы были отпущены за Двину, но «Левдун велел Государь разорить».

Когда Иван подступил к Зессвегену (Чиствину) и послал к «чиствинским людям грамоту, чтоб чиствинские люди город Чиствин Государю очистили без кровопролития», занимавшие там оборону немцы грамотой, по-немецки писанной, ответили, что они давали клятву польскому королю и хотят сохранить верность этой клятве. Царь послал им вторую грамоту, но посланный в город парламентар принес ее назад и сказал, «что у него той грамоты не взяли, а хотели его застрелить». Тогда Иван расставил полки, чтобы силой взять город. Но тут явился в московский стан перебежчик и на допросе заявил, «что в городе большой человек немчин Ернест фон Минин да мызников 12 человек, и Ернест ранен, застрелен из лука и с тое раны умирает, чаю и умрет, а его Волка Амоса Ернест и все мызники Царскому Величеству послали бити челом, чтоб их Царское Величество пожаловал, от смерти живот дал, а из города выпустить велел, а они Государю город отворят и во всей воли государственной учинятся».

Затем явились из города еще несколько немцев; они тоже просили для себя пощады. Но бояре им сказали: «Нынча вы у Государя милости просите, а дотудова Государь к вам писал две грамоты, чтоб вы город отворили, а государь вам милость покажет, как будет пригоже...» Далее летописец лаконично замечает, что «августа в 20-й день Бог поручил Государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси город Чиствин», обходя, очевидно, молчанием те казни, которым были подвергнуты жители его за сопротивление.

Из немецких источников мы узнаём, что начальников города четвертовывали, разрывали на части лошадьми, сажали на кол и рассекали саблями, а женщин насиловали.

Оставив в Зессвегене 120 человек гарнизона с артиллерией, Иван того же 20 августа послал отряд численностью больше двух тысяч человек к городу Шванебургу (Гольбину); на следующий день город был razoren, а захваченная в нем артиллерия перевезена в Зессвеген. После того Иван взял 22 августа Берсов (Борзун), где оставил 140 человек гарнизона и артиллерию, состоявшую из 38 пищалей и 7 самопалов.

Затем русское войско направилось к Кокенгаузену (Куконосу). Когда оно находилось в одном переходе от города, прибыл князь Иван Белосельский с грамотой от герцога Магнуса, в которой сообщалось, что Магнус взял Венден (Кесь) и уже послал отряд занять Кокенгаузен.

Здесь необходимо сказать несколько слов о деятельности Магнуса в это время. Когда московские войска вторглись в Ливонию, он обратился с воззванием к ливонцам, увещевая их подчиниться московскому государю. Воззвание упирало на то, что силы ливонцев ничтожны, помощи им ждать неоткуда, а царь идет с грозной силой; подчинение, дескать,

смягчит его гнев и остановит дальнейшее движение. Кроме того, утверждалось, что герцог находится в добром согласии с московским государем и пользуется покровительством германского императора, а потому можно положиться на его помощь. О дальнейшей судьбе Ливонии говорилось, что будет состоять под управлением голштинских герцогов или в случае прекращения их династии – герцогов мекленбургских.

Это воззвание так подействовало на ливонцев, что они возмутились против польско-литовского владычества, изгнали из многих городов польские и литовские гарнизоны и 14 августа в Вендене провозгласили Магнуса своим королем.

Жители Кокенгаузена тоже перешли на сторону Магнуса. Город был вне пределов, определенных псковским договором, а потому Магнус не имел права занимать его без ведома и согласия Ивана. Однако Магнус сделал это, известив своего сюзерена об уже свершившемся факте грамотой, чем и навлек на себя его гнев¹⁶.

Царь приказал прочесть послание Магнуса в присутствии бояр и дворян, и те выразили мнение, что «король Арцымагнус учинил не гораздо через договор». Нарушение Магнусом договора не ограничилось Кокенгаузенем. В своей грамоте он перечислял города, которые ему сдались, и в числе их были такие, которые должны были достаться Ивану. Ввиду всего этого царь приговорил послать к королю грамоту, «выписав его непригожее дело, которое он через договор чинил».

25 августа Иван послал к Кокенгаузену отряд в 2059 человек под начальством окольного князя Петра Ивановича Татеева и Даниила Борисовича Салтыкова. Немцы не хотели пускать их в город, требуя, чтобы они показали им грамоту короля Магнуса. За такое противодействие воеводы, силой войдя в Кокенгаузен, приказали перевязать немцев и донесли об их сопротивлении царю. Прибывший к Кокенгаузену Иван «за королевы Арцымагнусовы непригожие дела, что он через договор учинил, приказал и велел тех немец казнити смертию» и оставить в живых только несколько человек, чтоб было с кем отослать к королю государеву грамоту. Царево приказание было исполнено в точности: в живых оставлены были только «толмач Анц да служивый немчин Ганус Берга». Оставив в Кокенгаузене больше тысячи человек гарнизона с артиллерией, Иван двинулся к Эрли. Между тем отряд в 796 человек детей боярских и 700 стрельцов под предводительством Богдана Яковлевича Вельского 26 августа взял Ашераден. Местный ландмаршал Каспар Мюнстер был подвергнут московитами сечению розгами, а затем сброшен со стены и умерщвлен, другие пленники обезглавлены, женщины заперты в саду и отвратительным образом изнасилованы¹⁷.

Находясь у Эрли, Иван узнал, что Магнус послал отряд в 80 человек занять Вольмар (Вышгород). Здесь начальником гарнизона был князь Александр Полубенский. Он находился в самом критическом положении: гарнизон не имел продовольствия, а крепость – орудий для защиты; между тем помощь из Литвы, несмотря на самые настоятельные просьбы Полубенского, не являлась. Поэтому неудивительно, что отряд Магнуса легко завладел Вольмаром. Узнав об этом, Иван отправил к Вольмару войско (численностью 2603 человека) под предводительством Богдана Яковлевича Вельского и Дементия Ивановича Черемисинова, дав воеводам наказ «мелких людей побити» и оставить в живых только начальника и лучших людей. Полубенскому, который, по слухам, еще находился в Вольмаре, Иван приказал обещать свою милость и отпуск к королю Магнусу. Обходиться с ним было велено хорошо, но казну и лошадей отнять. В случае, если немцы и Полубенский запрут в Воль-

¹⁶ Немецкий историк К. Буссе оправдывает поступок Магнуса тем, что гонец, отправленный им к Ивану с уведомлением о предложении жителей Кокенгаузена, слишком замешкался в дороге, между тем как обстоятельства были таковы, что требовали поспешного образа действий. Но никакая опасность Кокенгаузену не угрожала; следовательно, поспешность Магнуса объясняется только желанием предупредить занятие города московскими войсками.

¹⁷ То же самое сообщает и польский историк Р. Гейденштейн: по его словам, женщины были отданы на поругание татарам.

маре, воеводам было приказано «промышлять над городом». Если же Полубенского не окажется в городе, воеводам предписывалось, по возможности, преследовать его, догнать и арестовать.

Немцы не хотели пускать русских в город, и воеводы стали готовиться к штурму. Полубенский попал в руки русских еще до взятия города, во время осады, и был доставлен к Ивану. Царь обошелся с ним весьма милостиво и отпустил вскоре на родину¹⁸.

Тем временем Иван взял крепость Эрлю¹⁹, а 1 сентября настала очередь Вольмара. Осажденные сами вышли из крепости, пытаясь прорваться сквозь ряды русских, и почти все погибли; в живых остались только двенадцать человек.

Из Эрли Иван скорым маршем направился к Вендену, где находился Магнус. Вассалу было велено явиться к царю, но тот, надеясь, что царский гнев обойдет его стороной, послал к Ивану двух своих приближенных. Их наказали кнутом и послали сказать королю, чтобы явился сам. Отказаться значило сразу подписать себе смертный приговор. В сопровождении небольшой свиты из 25 человек Магнус поехал в царский лагерь. Здесь его немедленно арестовали, отняли оружие и привели к Ивану. При виде царя он бросился на колени и стал умолять о пощаде. Против ожидания царь заговорил с ним миролюбиво. Но в это время раздался выстрел из крепости, и ядро пролетело совсем рядом с Иваном. Подозрительный царь усмотрел в этом адский умысел на свою жизнь. Он разразился потоками брани, ударил Магнуса по лицу, затем приказал взять его под стражу и держать в полуразвалившейся избе. После этого ярость царя обратилась на тех, кто, как казалось ему, посягал на его жизнь.

Выстрел из крепости привел к тому, что русские устроили в городе немалую резню. Те, кто избежал ее, спрятались в последнем городском убежище – в замке. Обстрел замка продолжался четыре дня. Положение осажденных становилось с каждым часом ужаснее, их мучили голод и жажда; страх их перед Иваном был столь велик, что они приняли решение не сдаваться, а умереть добровольно. В замковой часовне приготовили несколько бочек пороху. Капитан Генрих Бойсманн поджег порох, последовал взрыв, который многих похоронил под развалинами²⁰.

Овладев Венденом, Иван отправил в Трикатен к польским начальникам крепости Яну Бычковскому и Щенскому Малиновскому грамоту с требованием отворить город, за что обещал отпустить их к их королю Стефану с женами и с детьми «безо всякие зацепки». Король Стефан, прибавлялось в царской грамоте, хочет прислать к царю послов для заключения мира, и царь готов помириться, лишь бы были только подходящие условия. Предложения были заманчивы, сопротивление казалось невозможным, и Трикатен 10 сентября был сдан.

Несколько раньше сдался Ивану Роненбург. Эту крепость долгое время защищал от войск Магнуса Полубенский, находившийся здесь до того, как оказался в Вольмаре; он отбил несколько приступов и вынудил Магнуса отступить. Но попав в плен, он, по требованию Ивана, написал грамоту к воеводам в Роненбурге с предложением сдать крепость царю, что те и сделали.

Русские взяли также замки Смильтен, Шуен и Юргенсбург. Так Иван завладел почти всей Ливонией, не встретив особого сопротивления. Разве что князь Христофор Радзивилл с отрядом в 300 всадников пытался ему противостоять, и даже с некоторым успехом, ибо ему

¹⁸ В связи с этим К. Буссе, а за ним немецкий историк К. Ратлеф утверждают, что Полубенский якобы намеревался перейти на сторону Ивана и хотел передать ему Вольмар и другие крепости (последнее утверждает только Ратлеф). Между тем поведение Полубенского свидетельствуют о его преданности Речи Посполитой. Он, правда, дал знать Ивану о сношениях Магнуса с польско-литовским правительством, но сделал это, очевидно, с целью погубить Магнуса, который хотел в одно и то же время служить двум враждовавшим между собой союзникам и при нападении Ивана на Ливонию явно действовал во вред интересам Речи Посполитой.

¹⁹ Ратлеф говорит, что здесь, как и в Ашерадене, произведена была ужасная резня. Мы не знаем, из какого источника историк заимствовал эти подробности.

²⁰ Подробное описание осады Вендена, основанное на критическом исследовании источников, дает К. Ратлеф.

удалось захватить в плен несколько москвитов и татар. Но оставаться в Ливонии, учитывая громадные силы неприятеля и измену самих ливонцев, было для него безумием; поэтому Радзивилл с приближением войск Ивана к Двине поспешил переправиться на ту сторону реки. За ним последовал отряд польских гусар (тоже в 300 человек), находившийся под командой ротмистра Альберта Оборского.

Правитель Ливонии Ходкевич держал свое войско в 4000 человек вне пределов страны, полагая, что борьба с врагом, у которого 30 000 человек, невозможна.

При известии о нападении Ивана на Ливонию Стефан Баторий некоторое время не знал, как поступить. Момент был критический. После сдачи Ливонии опасность угрожала Литве. Ввиду этого Баторий созвал литовское посполитое рушение и назначил великим гетманом²¹ виленского воеводу Николая Радзивилла. Но посполитое рушение собиралось медленно, а когда собралось, то в таком ничтожном количестве, что о движении против врага нечего было и думать.

Иван торжествовал: Ливония покорилась ему, истоптана была ногами его коней, по собственному выражению царя.

Завоевание страны он не считал нарушением договора с Речью Посполитой, ибо «николи того слова не было имяновано, что с Лифляндскою землею мир». Цель была достигнута: о дальнейших завоеваниях Иван не думал и готов был заключить с Речью Посполитой мир, лишь бы только Ливония признана была за ним. Баторий смотрел на дело иначе.

²¹ Великий гетман коронный – главнокомандующий.

III. Приготовления к войне

И он желал поддерживать – во всяком случае, пока – мир с Москвой, но, конечно, под тем условием, что Иван откажется от Ливонии.

Мы знаем, что к царю снаряжено было великое посольство с мазовецким воеводой Станиславом Крыским во главе. На как раз тогда, когда припозднившиеся послы отправились в путь, Иван вторгся в Ливонию; посольство остановилось в Вильне и, во-первых, обратилось за инструкциями к королю, а во-вторых, по совету литовского сената, вошло в сношения с Иваном. Иван заявил, что он никогда не откажется от Ливонии, угрожал вторжением в другие области Речи Посполитой и выражал свое неудовольствие тем, что Стефан Баторий не хочет признать за ним царского титула, прибавляя, что, если последует новый отказ в этом титуле, королевское посольство рискует подвергнуться опасности. После такого обмена любезностями Крыский посоветовал Баторию заключить с Иваном договор, но Ливонию в него не включать; тогда, мол, ее можно будет возвратить силой оружия подобно тому, как силой оружия взял ее неприятель.

Но Стефан Баторий не согласился принять этот совет. Он считал, что нельзя дать Ивану время укрепиться в Ливонии. Отсюда он будет угрожать Литве и по истечении перемирия легко может захватить литовскую столицу Вильну. К тому же не включать Ливонию в перемирный договор показалось Баторию делом опасным, ибо таким образом можно было самым толкнуть ливонцев в объятия другого государства. Впрочем, воевать с Москвой исключительно из-за Ливонии Баторий не собирался – он в это время думал о походе на Полоцк или Смоленск.

Ввиду всего этого король наказал послам двигаться чем медленнее, тем лучше, и всячески затягивать переговоры, чтобы протянуть время до сейма, который, как надеялся Баторий, должен был дать ему средства на ведение войны с Москвой.

Послы остановились на несколько месяцев в Орше и завязали неспешную переписку с московскими боярами по поводу признания за Иваном царского титула. Между тем Баторий отправил к Ивану гонца Мартына Полуяна объяснить причину задержки в пути великого посольства и узнать, желает ли царь вести переговоры о мире. Все это опять-таки были уловки: в действительности посылка гонца имела целью еще более затянуть переговоры.

В результате приложенных усилий дорога у посольства заняла почти год. Оно прибыло в Москву только в начале 1578 года. Иван принял послов пренебрежительно, отзываясь

оскорбительно о поляках, литовцах и самом короле и давая посольству дурное содержание²². Во время переговоров о мире он заявил, что Корона Польская и Великое княжество Литовское – его вотчины, ибо род Гедимины, владевший Литвой и Польшей, прекратился, а потому его наследие должно перейти к московским государям, как к ближайшим родственникам Гедиминовичей. Царь обосновывал это родство на происхождении своем от Пруса, брата римского императора Августа и родоначальника литовских князей, а права Анны Ягеллонки, жены Стефана Батория, на польско-литовское наследие устранял замечанием: «Королевская сестра государству не отчич». К королю Стефану он относился свысока, как к владельцу какого-то Седмиградского государства, о котором «никогда не слыхали», а потому полагал, что Стефану в равном братстве быть с ними «непригоже». Примирить желания договаривающихся сторон было невозможно. Послы Батория получили инструкцию заключать мир только на условии возвращения всего, что было отнято у Великого княжества Литовского, и прежде всего возвращения Ливонии. Если царь поведет речь только о временном перемирии, то и тут включить непременно Ливонию в договор и в договоре не называть Ивана царем и не давать ему титулов Смоленского, Полоцкого и Ливонского.

Со своей стороны, Иван о мире на девять лет или о перемирии на восемь месяцев, как того желал Баторий, и слышать не хотел. Он соглашался на трехлетнее перемирие, начиная от Благовещения 1578 года, но исключал из условий договора Ливонию, называя ее своей вотчиной и причисляя к ней Ригу и Курляндию. «Тебе, соседу нашему, – так говорилось в перемирной грамоте Ивана, – Стефану королю в нашей отчине Лифляндской и Курляндской земле, в наши города, мызы, пристанища морские, острова и во всякие угоды не вступаться, не воевать, городов не заседать, новых городов не ставить и ничем зацепки всякой и шкоды в Лифляндской и Курляндской земли не делать и из Лифляндской и Курляндской земли людей и городов к себе не принимать».

Это условие послы Батория принять не могли. Таким образом, договор не состоялся: царь скрепил присягой только свою договорную грамоту, а послы лишь свою. Следовательно, столкновение в самом скором времени было неизбежно. В конце 1577 года Баторий окончил войну с Данцигом и таким образом мог теперь отдать все силы подготовке к войне с восточным врагом. Средства на ее ведение приходилось искать у шляхты. Чтобы побудить ее раскошелиться, король и его помощник в подобных делах Замоиский постарались изобразить грозную опасность, надвигающуюся с севера и востока на Речь Посполитую, самыми мрачными красками. В руках царя уже почти вся Ливония, откуда ему нетрудно будет проникнуть в Литву, овладеть ее столицей, а затем и всей страной. Если допустить, что замыслы царя направлены не на Литву, то и в таком случае опасность одинаково велика. Царю легко теперь добыть Курляндию, вторгнуться в Пруссию и сделаться владыкой Балтийского моря. Решается судьба не только Литвы, но всей Речи Посполитой. Как видим, значение борьбы из-за Ливонии тогдашние руководители польско-литовского государства Баторий и Замоиский понимали ясно.

Ввиду грозной опасности, говорили они, нужны деньги на содержание войска. Между тем государственная казна истощена, а королевской едва хватает на удовлетворение насущных потребностей. Вследствие этого установление новых налогов – дело неизбежное.

Королевское воззвание произвело желанное действие. Сейм, открывший свои совещания 20 января 1578 года в Варшаве, решил вести войну с московским царем «в пределах неприятельских, так как прежний способ держать войска внутри собственных границ и только обороняться от врага был осужден на основании... примера прошлого года».

²² По словам Гейденштейна, царь приказал доставлять послам «самые простые и отвратительные кушанья, а покупать провизию в Москве и не в обычае, да и не было возможности, если бы они того захотели». Замечание историка о том, что послы не имели возможности приобретать себе провизию, непонятно.

План военных действий был подсказан сейму – в этом нельзя сомневаться – самим королем. Вскоре по окончании сейма Баторий заявил папскому нунцию Лаурео, что, начиная войну с царем, он думает не о возвращении Ливонии, но о завоевании самой Москвы, и что это предприятие не так трудно, как может сначала показаться: стоит только взять Полоцк и Смоленск, и Москва будет в его руках. Чтобы обсудить вопрос, какие нужно сделать приготовления для войны, была выбрана комиссия из сенаторов, которая представила соответствующий доклад сейму. На основании этого доклада сейм установил налоги столь значительные, что никто о подобных не помнил – поземельную подать в размере одного злота и акцизную пошлину в размере одной восьмой с продажной цены каждой бочки пива. Сейм обставил налоги условием, что король лично будет вести войну и принимать участие в походах. Это показывало, что сейм относится к королю с некоторым недоверием.

Король не был до конца доволен сеймом, так как послы не всех воеводств выразили согласие на установление новых налогов. Пришлось тратить драгоценное время и созывать сеймики в упорствующих воеводствах, чтобы убедить шляхту в необходимости расходов. И все равно сеймики краковского и сандомирского воеводств разрешили королю взимать налоги только в размерах, установленных в 1565 году, то есть поземельную подать по 20 грошей с лана и акцизный сбор с освобождением от него городов и шляхетских деревень. При этом шляхта заявляла, что, соглашаясь на эти налоги, она производит насилие над собой и крестьянами. Это не могло понравиться королю, ибо подавался заразителный пример другим воеводствам. Тем не менее он готов был идти на уступки, и дело уладилось компромиссом. Краковскому и сандомирскому воеводствам сделаны были незначительные послабления; при этом король обязался употребить налоги с этих воеводств исключительно на издержки московской войны, а кроме того, добавить денег из своей казны на артиллерию и покупку амуниции.

На сбор налогов ушло немало времени; в казне деньги оказались только к началу 1579 года. Но отсутствие средств было не единственной причиной, мешавшей начать войну с Москвой в 1578 году. Прежде чем объявить войну на севере, необходимо было обезопасить предварительно южные области страны от татар и турок.

Стефан Баторий тотчас по вступлении своем на престол постарался заключить мир с турецким султаном, имея в виду интересы не только Речи Посполитой, но и Трансильвании, которой угрожали турки. С этой целью в Константинополь был отправлен галицкий каштелян Ян Сененьский, которому удалось склонить Турцию к союзу с Речью Посполитой. Султан обещал не только удерживать крымских татар от набегов на польские земли, но и оказывать военную помощь Баторию.

Но тут произошли события, которые едва не уничтожили дружественного соглашения с Портой. Среди запорожских казаков объявился атаман Иван Подкова, прозванный так за свою необыкновенную физическую силу, поскольку легко ломал руками подковы. Валах по происхождению, он заявил, что имеет право на престол Валахии, и при содействии польских панов низложил господаря Петра.

Но властвовать в Валахии пришлось ему недолго. Изгнанный валашским воеводой при помощи турок, он удалился в пределы Речи Посполитой, в Подолию, в окрестности города Немирова. Опасаясь нарушить мир с Турцией, Баторий приказал арестовать Подкову брацлавскому воеводе князю Янушу Збаражскому, угрожая тому судом, если он не пожелает подчиниться приказу: король подозревал, что воевода – сторонник авантюриста. Подкова был задержан каменецким каштеляном Николаем Сенявским и передан затем Збаражскому, который доставил его в Варшаву и сам явился туда, чтоб оправдаться перед королем в возведенном на него обвинении, будто он помогал Подкове.

Казаки после этой неудачи не успокоились. Брат Ивана Подковы, Александр, предпринял с запорожцами новый поход на Молдавию, захватил ее столицу Сучаву и провозгла-

сил себя господарем. Тогда Баторий, опасаясь, что султан присоединит Молдавию к своим владениям и отправит туда управлять какого-нибудь пашу, посоветовал своему брату Христофору, трансильванскому воеводе, отправить отряд на помощь молдавскому господарю, которого пытался сместить Александр. Подкова был пленен и посажен на кол, а его казаки отчасти рассеяны, а отчасти захвачены и отправлены в цепях в Стамбул.

Действия братьев Подков сильно раздражили султана: он грозил Баторию разрывом союза и войной, если король не накажет примерно казаков, не казнит вслед за Александром Ивана Подкову или не выдаст его живьем туркам.

Баторий вынужден был извиняться перед султаном, заявляя через своего посла Христофора Держжа, что нет возможности ни истребить казаков, ни удержать их от набегов на турецкие владения. В угоду султану он приказал обезглавить Ивана Подкову; сделано это было в присутствии турецкого посланника; таким образом, доверие Турции было возвращено.

Одновременно происходили переговоры с крымским ханом. Баторий соглашался соблюдать мир на тех условиях, какие существовали при прежних королях, но хан хотел изменить эти условия. Он требовал, чтобы король присылал ему дары даже в том случае, если татары не будут служить польскому правительству и вступят в союз с Москвой. Кроме того, он требовал, чтобы Орде были уступлены оба берега Днепра, а казаки изгнаны совсем из Запорожья.

Однако после продолжительных торгов со стороны татарских послов, при посредничестве турецкого посланника, не без богатых подарков мир с ханом был заключен на прежних условиях: татары обязались за получаемые дары вести войну с Московским государством. Над заключением договора Баторию пришлось немало потрудиться. Пока шли переговоры с татарами, он не мог рассчитывать на безопасность южных областей государства, а потому полагал, что его присутствие во Львове, поблизости к этим областям, необходимо. Он уехал из Львова только во второй половине сентября.

Все это заставило отложить объявление войны Ивану Грозному до 1579 года. Чтобы удержать царя от новых враждебных действий, король прибегал к дипломатическим уловкам. Получив из Москвы извещение от послов о том, что Ливония исключена из перемирного договора, он послал к Ивану дворянина Петра Гарабурду просить, чтобы Иван и в Ливонии сохранял мир до тех пор, пока перемирный договор не будет им, королем, ратифицирован. Вместе с тем король отдал приказ не впускать московских послов в пределы Речи Посполитой, пока не вернется из Москвы Гарабурда.

Между тем Иван отправил к Баторию для ратификации договоров великое посольство, во главе которого стоял дворянин Михаил Далматович Карпов. Согласно королевскому приказу, московских послов задержали сначала на границе Литвы, а потом задерживали нарочно уже в самой Польше. Баторий хотел затянуть время до осени и дожидаться момента, удобного для начала военных действий. Аудиенция послам у короля назначена была сначала в Люблине, потом во Львове и состоялась, наконец, в Кракове 5 декабря по возвращении сюда короля из Львова. Этого дня глава посольства Карпов не дождался; он умер в дороге.

Послы не захотели вести переговоры, так как король нарушил установленный церемониал. Желая высказать к ним, а вместе с тем и к Ивану, свое пренебрежение, Баторий не встал при приеме посольства и не осведомился, стоя с открытой головой, о здоровья царя. Послы заявили, что им под страхом смертной казни запрещено править посольство, если требования этикета, обычного при приеме посольств, не будут исполнены. Аудиенция на этом была прервана, и 11 декабря посольство покинуло Краков. При этом король приказал литовскому подскарбию Лаврентию Войне задержать его в литовском городке Мсцибове. Это было сделано в отместку за то, что Иван задержал гонца Петра Гарабурду. Таким обра-

зом, происходили переговоры о мире, противники делали вид, что хотят установить дружественные отношения, но, по сути, шли навстречу войне.

Баторий готовился весьма деятельно. Считая шляхетское ополчение негодным для ведения войны, он торопился организовать наемное войско. Каспару Бекешу и Михаилу Вадашу было поручено нанять солдат в Венгрии, Христофору Розражевскому и Эрнесту Вейеру – в Германии; были выделены средства на собирание отрядов в самой Польше. Кавалеристы должны были являться в панцирях, шишаках, с копьями, саблями или мечами, на сильных и здоровых лошадях, пехотинцы – в платьях одинакового цвета и покроя, с ручницами, топорами, мечами или саблями. Командирам предписывалось поддерживать в отрядах строгую дисциплину и пресекать притеснения мирных жителей. Одновременно заготавливалась амуниция; что касается пушек, то в Вильне устроен был завод, который отливал их по чертежам, в составлении которых принимал участие сам Баторий.

Баторий также попытался создать крестьянское ополчение. По королевскому проекту, крестьяне обязаны были снаряжать с каждых 20 ланов одного вооруженного пехотинца; этот воин освобождался от всех крестьянских повинностей. Ополчение должно было собираться в определенных пунктах всякий раз, когда враг угрожал государству. Очевидно, этот проект имел в виду создать в Польше правильно организованную армию, но ему не суждено было осуществиться – во всяком случае, в том виде, в каком его задумал Баторий. К 1579 году крестьянское войско не было набрано.

Зато король сумел привлечь к участию в войне на своей стороне запорожских казаков. Был нанят отряд в 600 человек с ежегодной платой каждому по 6 литовских грошей и куску сукна на армяк. При этом запорожцы обязались не предпринимать походов против интересов Турции.

В приготовлениях к войне прошел весь 1578 год; воевать зимой из-за непроходимых дорог не решились, отложив объявление войны до весны или лета 1579 года. Кроме того, была и другая важная причина отсрочки. Короля, как всегда, беспокоил недостаток денежных средств. К началу 1579 года в казне собралось, правда, 540 000 злотых, но эти деньги предназначены были на уплату жалованья отрядам венгерских, немецких и польских наемников, оплату амуниции и продовольствия для войска. Король собрал в Кракове сенаторов, чтобы спросить их мнения относительно увеличения налогов, но сенаторы сказали твердое «нет», и Баторий отказался от этой идеи. В конце концов он решил вести войну на те средства, которые появятся в казне в 1579 году, а также на те, какие можно будет приобрести путем займа.

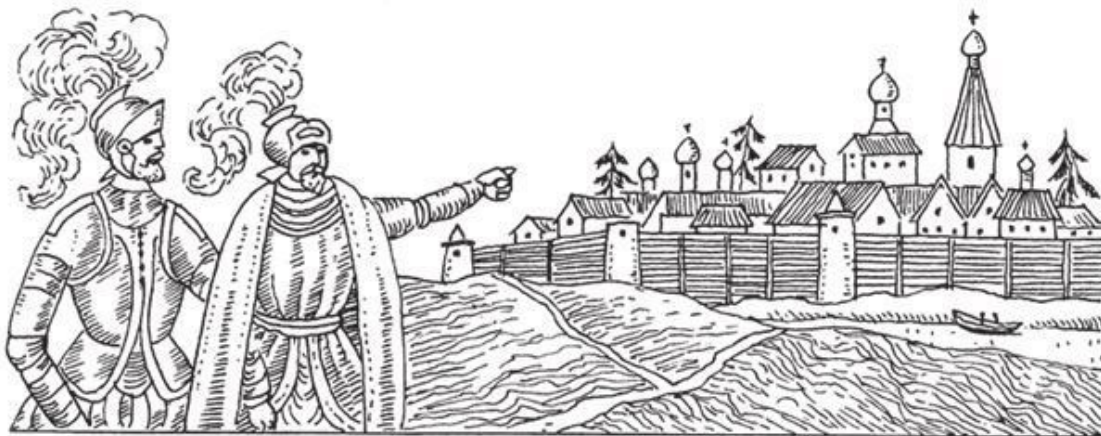
Еще будучи в Кракове, он подумал об избрании главнокомандующего армии и советовался с сенаторами о том, назначить пожизненного гетмана или временного. Большинство высказалось за назначение предводителя только на время войны. Гетманство в результате, только на время похода против московского царя, досталось подольскому воеводе Николаю Мелецкому. Мелецкий был одним из вождей той партии, на которую Баторий опирался в Польше, притом вождей деятельных, которые активно боролись против козней противников Батория.

Из Варшавы король отправился в Гродно, чтобы обсудить с литовскими вельможами план предстоящей войны с Москвой. Были высказаны различные мнения. Одни советовали ударить прежде всего на Великие Луки, другие на Псков, третьи на Полоцк. Ян Замойский, главный помощник Батория, советовал идти к Полоцку, повторяя поговорку: бери то, что ближе всего.

Результат совещания порадовал Батория: вельможи Литвы обещали ему взять на свое содержание 10 000 всадников. Такая щедрость обязывала короля отнестись к делам литовцев с большим вниманием, а они жаловались на то, что многие судебные дела у них не решены со времен Сигизмунда-Августа. Из-за этих дел Баторий задержался в Гродно до

начала марта, а затем направился в Вильну. Тут, однако, в исполнении королевских намерений опять произошла проволочка. Войска собирались очень медленно. Король еще в начале января распределил пути, по которым должны были двигаться отряды, но срок, назначенный для их сбора, давно прошел. Наконец, первыми прибыли венгры, а о польских солдатах не было ни слуху ни духу. Ко всем этим затруднениям присоединились морозы, которые в 1579 году продолжались в Литве дольше, чем когда-нибудь.

IV. Полоцк

Но хотя Баторий вынужден был откладывать выступление в поход, война, формально еще не объявленная, уже шла. Стоило Ивану уйти из Ливонии, как литовцы отняли у московитов Динабург: они послали в подарок русскому гарнизону бочку водки, воины перепились и не смогли оказать должного сопротивления, когда литовцы неожиданно пошли на приступ. Несколько позже Иван потерял и Венден. Матвей Дембинский и Иван Бюринг, секретарь Ходкевича, заняли крепость с помощью латышей, изменнически отворивших им ворота города. Постепенно у русских были отбиты и другие ливонские замки: Зонцель, Эрлю, Лемзаль, Буртних, Ропе, Нитау, Пуркель.

В начале февраля 1578 года русские воеводы попытались вернуть Венден. Они простояли под крепостью четыре дня, сделали даже пролом в крепостной стене, но все-таки отступили, так как гарнизон, несмотря на недостаток съестных припасов (защитникам города пришлось есть лошадей), мужественно защищался, а потом и получил подкрепление, которое проникло в крепость через неплотное кольцо осады.

Потери Ивана в Ливонии увеличились еще вследствие измены Магнуса, перебежавшего на сторону Батория. Почва для этого готовилась давно, еще с конца 1577 года, когда между королем и герцогом начались тайные переговоры. От имени Батория их вел виленский воевода Николай Радзивилл, который насоветовал королю отдать герцогу Ливонию в управление. К соглашению на этот счет стороны пришли в конце 1578 года.

Иван неожиданно оказался в очень непростом положении. Он, казалось, уже держал победу в руках, а теперь многое надо было завоевывать заново. О немедленном возвращении потерянного нельзя было и думать, так как пришлось отвлечься на шведов, которые летом 1578 года атаковали русских и причинили им немало вреда.

Только в октябре московские воеводы, отвоевав у шведов замок Оберпален, снова попробовали взять Венден. После непродолжительной осады им удалось разрушить стену крепости, но тут ей на выручку явился польско-литовский отряд под началом Андрея Сапеги и Матвея Дембинского. Соединившись со шведами, которыми командовал Георг Бойе, поляки и литовцы переправились через реку Аа. Русские бросились на врага, пытаясь оттеснить его назад, за реку, но безуспешно. Завязался жаркий бой, в котором соединенным польско-литовско-шведским силам сопутствовал успех. Русские имели численное превосходство²³, но сражались беспорядочно. В результате часть русского войска была обращена в

²³ Численность русских, как утверждают польские историки, составляла 18 – 20 тысяч человек; поляков и литовцев было две тысячи; шведский отряд состоял из трех эскадронов конницы и трех рот пехоты; в депеше папского нунция

бегство, причем с поля битвы бежал и главный воевода, князь Иван Юрьевич Голицын. При этом русские воины, оставшиеся на поле сражения, засели в окопах и мужественно дрались всю ночь; только наутро после отчаянного рукопашного боя, уже оставшись в значительном меньшинстве, они сложили оружие; в этом бою убито было несколько русских воевод и много простых воинов²⁴.

Враги завладели русским лагерем, всей артиллерией²⁵, захватили в плен девять воевод и множество солдат, но сами потерпели урон незначительный²⁶. Русские пленные отправлены были к королю в Гродно, а пушки – в Вильну.

Но это была еще не война, основные силы обеих сторон еще только готовились к схватке. Иван даже послал к королю гонца Андрея Тимофеева с предложением начать новые переговоры относительно Ливонии. Правда, перед этим он после совета с боярами и духовенством решил идти «на немецкую и литовскую землю». Решительности царю придал доклад великого посольства, возвратившегося из Кракова. Послы доносили, что Баторий идет к московским границам, но следуют за ним немногие охочие люди из литовской шляхты, из польских же панов и шляхты никто не идет. «Король говорил панам, чтоб шли с ним всю землю в Ливонию достигать тех городов, которые Москва захватила, но паны ему отговаривают, чтоб он и в Ливонию не ходил, а послал бы наемных людей защищать те города, которые за ним, а над другими промышлять. А во всей земле – в Польше и Литве, у шляхты и у черных людей, у всех одно слово, что у них Стефану королю на королевстве не быть, а пока у них Стефан король на королевстве будет, до тех пор ни в чем добру не бывать, а сколько им себе государей ни выбирать, кроме сыновей московского государя или датского короля, никого им не выбрать; а больше говорят во всей земле всякие люди, чтоб у них быть на государстве московского государя сыну».

Похоже, что послы докладывали царю не столько реальное положение дел, сколько то, что ему было приятно услышать. Баторий вряд ли уговаривал панов, чтоб они шли с ним «всей землей» в Ливонию, потому что понимал непригодность земского ополчения для военного дела. Паны же не могли отговаривать Батория идти в Ливонию, потому что сейм 1578 года согласился на установление налогов только при условии личного участия короля в войне. О низложении Батория говорили лишь немногочисленные его противники. В общем, сведения посольства были ложны, а между тем на них Иван строил свои завоевательные планы относительно Ливонии и Литвы; эти сведения вселили в него уверенность, что можно будет легко осуществить задуманное предприятие.

Иван собрал громадное войско: численность его доходила, по словам папского нунция Калигари, до 200 000 человек; один только царский полк включал 40 000 воинов. Но эта исполинская масса людей была плохо организована и дисциплинирована, чужда тому военному искусству, которое приносило победы Баторию. Что особенно важно, она не имела хорошего руководителя, каким для своего войска являлся Баторий, проницательный, в высшей степени даровитый или даже, как утверждают некоторые историки, гениальный стратег. У Ивана не было плана военных действий, тогда как польский король имел планы на случай любого развития событий. Царь принял решение идти «на немецкую и литовскую землю», но шел он во главе вооруженной толпы; и он сам, и почти все его командиры не имели понятия о тактике и стратегии. В результате, предприняв наступательную войну, он

Калигари от 6 ноября 1578 года польско-литовские силы оцениваются в восемь тысяч человек.

²⁴ Число убитых русских солдат простиралось, по некоторым данным, до шести тысяч человек; Гейденштейн выражается неопределенно: «много неприятелей было убито». Он сообщает нам факт доблестной смерти русских пушкарей, которые, не желая пережить позора плена и сдачи орудий, повесились на них.

²⁵ По данным польских историков, от 20 до 30 разных орудий.

²⁶ Как сообщает ливонский хронист Балтазар Рюссов, поляков и шведов погибло менее 100 человек.

тут же, не сразу это осознав, вынужден был перейти к обороне, хотя замыслы Батория были ему в целом известны заранее²⁷.

²⁷ О том, что Баторий готовится в поход на Полоцк, уведомил Ивана гонец Андрей Тимофеев в конце июня 1579 года. Ввиду этого нельзя согласиться с мнением Соловьева, что Иван не знал, откуда ждать ему нападения и Баторий застиг его врасплох.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.